

О ВЛІЯНІИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДРЕВНЕРУССКУЮ.

(Окончаніе).

III.

Трени пунктъ литературныхъ сближеній древней Россіи съ западомъ Европы представляетъ изъ себя Московское государство. Частію оно знакомилось съ западомъ Европы и его литературою при посредствѣ новгородцевъ и юго-западныхъ русскихъ, частію имѣло прямыя и непосредственныя связи съ западною Европою. Служа въ политическомъ отношеніи объединительнымъ центромъ для всей Россіи,—Московское государство восприняло въ себя и всё литературныя вліянія западной Европы, какимъ подвергались Новгородъ и юго-западная Русь; но оно не страдательно восприняло эти вліянія, а переработало ихъ сообразно своей натурѣ и восполнило новыми заимствованіями изъ западной и особенно польской литературы и письменности. Поэтому при обзорѣ вліянія западно-европейской литературы на древнюю Русь чрезъ Московское государство нужно различать, что оно заимствовало изъ западной Европы черезъ Новгородъ и южную Русь, и что внесло особеннаго и своеобразнаго въ эти и другія заимствованія.

Что касается западно европейскаго вліянія на Московское государство черезъ Новгородъ и южную Русь; то мы уже отчасти касались этого предмета въ предыдущихъ отдѣлахъ, когда гово-

рили о вліянні западно-європейської літератури на Новгородъ и южную Русь. Остается указать основной характеръ и складъ ума московскихъ людей, которымъ опредѣлялись какъ непосредственныя сношенія и связи Москвы съ западными государствами, такъ и вкусъ ея въ выборѣ такихъ литературныхъ произведеній западной Европы, которыя извѣстны уже были въ Новгородъ и южной Россіи,—и затѣмъ указать самыя литературныя заимствованія съ запада, сдѣланныя Москвою.

Кажется мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что главныя черты, отличающія московскихъ людей отъ новгородцевъ и особенно отъ южноруссовъ, были—трезвый умъ и практическій характеръ. Благодаря этимъ свойствамъ своимъ, они создали политическое могущество своего государства и положили начало объединенію всей Россіи. «Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собранія земли, съ утвержденіемъ единовластія и съ началомъ вѣншихъ движеній,—замкнутость, отчужденность сѣверо-восточной Руси необходимо начинать прекращаться: державы западной Европы узнають, что на сѣверо-востокѣ существуетъ обширное, самостоятельное Русское государство, кромѣ той Руси, которая подчинена польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобъ ознакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общихъ европейскихъ цѣлей» ¹⁾. Но сдѣлавшись извѣстнымъ западной Европѣ, Московское государство не измѣняетъ своему характеру: оно всячески старается поддержать свои сношенія съ западно-европейскими державами, но единственно съ тою цѣлю, чтобы извлечь изъ этихъ сношеній матеріальную для себя выгоду, приобрести необходимыхъ для себя людей или получить свѣдѣнія, полезныя въ практической жизни и въ дѣлѣ усиленія политическаго могущества своего государства. По крайней мѣрѣ эта цѣль

¹⁾ Истор. Россіи, Соловьева, т. V, стр. 9.

несомнѣнно обнаруживается въ первоначальныхъ сношеніяхъ Московскаго государства съ западно-европейскими державами. Вступивъ въ бракъ съ Софіею Палеологъ, проживавшею въ Италіи, Іоаннъ III вызывалъ оттуда въ Россію различныхъ художниковъ и мастеровъ, какъ-то: врачей, архитекторовъ, пушкарей, каменщиковъ, серебряныхъ мастеровъ, монетчиковъ и др., даже «сарганнаго играца» ¹⁾. Такого же рода сношенія были и съ другими западными державами, хотя и менѣе удачныя. При Іоаннѣ Грозномъ, въ 1567 г., выѣхали въ Москву изъ Англіи докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, пробиреръ и другіе мастера, и кромѣ того вызываемы были и типографщики ²⁾. Въ это же время въ составѣ русскаго войска упоминаются иноземные оряды литовскіе ³⁾.

Соотвѣтственно дѣловому, практическому направленію московскихъ людей, такой же характеръ имѣли и первыя литературныя сближенія ихъ съ западною Европою. Съ одной стороны представители западныхъ державъ въ Московскомъ государствѣ, рассчитывая на его политическое могущество и желая направить силы его противъ общаго врага христіанства турокъ, распространяли въ Россіи сочиненія политическаго характера съ цѣлію расположить Московское государство къ войнѣ съ турками, или въ тѣхъ же видахъ заботились о религіозной уніи православныхъ обитателей Московскаго государства съ католичествомъ; съ другой стороны и сами русскіе старались перенимать у иностранцевъ такія свѣдѣнія, которыя прямо клонились къ усиленію политическаго могущества Россіи и улучшенію его матеріальнаго благосостоянія. Изъ иностранныхъ пословъ, распространившихъ въ Московскомъ государствѣ путемъ литературы политическія тен-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 257—8.

²⁾ Тамъ-же, VII, стр. 57 и 242.

³⁾ Тамъ-же, VII, стр. 19.

деніи, довольно указать на папскаго посла Николая Шомберга. При Василиѣ Іоанновичѣ онъ прибылъ въ Россію для того, чтобы склонить московскаго государя къ союзу противъ турокъ ¹⁾. и пропагандировалъ эту мысль между московскими боярами какъ посредствомъ богословскихъ сочиненій о догматическихъ разностяхъ между православіемъ и католичествомъ, такъ и посредствомъ астрологическихъ сочиненій, съ предсказаніемъ паденія турокъ и побѣды надъ ними христіанскихъ государей. Для насъ особенно важны послѣдняго рода сочиненія его. Въ посланіи своемъ къ Θεодору Карпову, «противу тщющихся звѣздознаніемъ предрицати о будущихъ», инокъ Максимъ рассказываетъ слѣдующее: «Въ Москвѣ царствующемъ градѣ всея Русіи живушу ми въ 73^{лѣ} (1523 г.) лѣто, при царствѣ благовѣрнѣйшаго царя всея русіи великаго князя Василия Івановича, дана ми бысть бумага пѣмчина пѣкоего родомъ, ученіемъ же и вѣрою лагыннина, и астрологін, яже о зрѣніи роженіихъ, несмытно прилѣпляющагося и бѣсобоязнѣйше сію дѣйствующаго и чаяніе нестырпимо отъ будущихъ предпознаній стяжавающаго. Бумага же списана имъ къ пѣкому отъ своихъ друзей о началѣ турковъ, каковыя и откуда начаса и каковыми судьбами божіими въ толико вознесошася наче всякія надежды, по которомъ изложеніи начинается прочее предглаголати разореніе ихъ, како, и когда, и гдѣ и отъ коихъ будетъ се; но слышати лѣно самихъ его рѣчей, яже сице ся имѣють по глаголу преведени мною: тогда, рече, приведутся царства и началства и церкви. Емля же Стрѣльцовы чада превозмогутъ и проженуть злость Кропову, сирѣчь турковъ, въ кратка времени, при державѣ *Максиміановъ* или послѣдователя его, и тогда всей злости прельстивши зевъ онъ добрототный чистотою и благочестіемъ блистающее время устроить, и тако злыхъ всѣхъ слѣдъ сотрется, и турки вездѣ истребятся; чрезъ море же чело-

¹⁾ Тамъ-же, т. V, стр. 377 и др.

вѣщы узрѣть прелетати аки мѹхи, и церковь свѣтѣи Софѣи восприметь мощь. И по малѣ глаголетъ: и будетъ ново преобразование и новѣ закошъ и нове царство и чисто сожителство яко въ клирицехъ, тако же и въ народехъ. И по малѣхъ: тогда бо Зіосъ со Аррисомъ озлобятъ отмщеніемъ противляющихся церкви и воиномъ ея, егда обиметь хвостъ рыбей и рога овновы, и возмездіе примуть турки съ разбѣяными отъ стада христіанскаго. Тогда возрастетъ церковь въ пребываніе любви вѣчныя даже до лѣта Господня Ϡϥϣ (7576—2068) ¹⁾». Смыслъ содержанія этой бумаги, о которой говоритъ здѣсь Максимъ Грекъ, понятенъ самъ собою: Николай Шомбергъ, желая привлечь русскихъ къ союзу противъ турокъ и къ соединенію съ католичествомъ, дѣлаетъ предсказанія, основанныя на астрології, будто турки погибнуть въ непродолжительномъ времени, «при державѣ Максиміановѣ, или послѣдователя его», т. е. въ царствованіе тогдашняго германскаго императора Максимиліана или его преемника, и что вмѣстѣ съ турками получатъ возмездіе и противляющіеся церкви и воинамъ ея и разбѣянные отъ стада христіанскаго, т. е. русскіе православные, если они не пристають къ союзу противъ турокъ и не примуть католичества. Нѣчто подобное писалъ Николай Нѣмчинъ Мисірю Мунехину, дяку великаго князя, бывшему Псковскимъ намѣстникомъ. Къ Мунехину писалъ Нѣмчинъ, что въ 7032 г. отъ сотворенія міра (1524 г.) будетъ несомнѣнное премѣненіе странамъ и царствамъ, областимъ и градамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ и бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ земнороднымъ, ибо въ то лѣто не узрится солнце ²⁾.

Хотя русскіе люди не поддались убѣжденіямъ Нѣмчина, не

¹⁾ Рукоп. Кіев. Ак., № 0. 19, гл. 10.—Что посланіе писано къ Осодору Карпову, это видно изъ другаго посланія М. Грека къ тому же лицу, въ той же рукописи, гл. 13.

²⁾ Истор. р. слов., Галахова. I. стр. 144—145.

приступили къ союзу противъ турокъ и не приняли католичества, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ усвоили себѣ астрологическое ученіе въ общихъ его началахъ и старались извлечь изъ него практическія выгоды для государства. Таковы именно были Мисюръ Мунехинъ и Феодоръ Карповъ. Въ посланіи къ Мисюрю Мунехину инокъ Елеазарова монастыря Филофей вооружается противъ вѣры во вліяніе звѣздъ. Звѣзды, говоритъ онъ, не имѣютъ вліянія на судьбу міра и людей. Если Богъ сотворилъ злые дни и часы, то за что-же злые люди будутъ подвержены мученію? Не виноваты они, что родились въ злые часы; надобно уповать на вседающаго Бога, а звѣзды не помогутъ ни въ чемъ, ни придадутъ, ни отнимутъ. Въ заключеніе инокъ Теофилъ вооружается противъ латинявъ и говоритъ о великомъ значеніи Московскаго государства, какъ третьяго Рима: два Рима пали, третій есть Москва, а четвертому—небывать ¹⁾. Изъ этого видно, что Мисюръ Мунехинъ увлекался ученіемъ Николая Нѣмчина о вліяніи звѣздъ на судьбу государствъ и людей и старался извлечь изъ астрологій практическіе уроки. Феодоръ Ивановичъ Карповъ также увлекался астрологическимъ ученіемъ Нѣмчина и кромѣ того вѣрилъ въ птицегаданіе. Но особенно замѣчательны тѣ доводы, какими онъ защищалъ астрологию и птицегаданіе. Когда Максимъ Грекъ написалъ къ нему «слово противу тѣщихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ», Феодоръ Карповъ отвѣчалъ ему «епитиміей», которую, по миѣнію Максима Грека, сложилъ нѣкто «виѣшней упряжнимои премудрости стаинникъ», коварственно скрывавшійся подъ именемъ Феодора. Авторъ епистоліи утверждаетъ, что «ни единъ отъ царствовавшихъ древле и въ воеводствѣ возсіявшихъ кто же доблественно исправилъ есть кромѣ (безъ) звѣздозрительнаго предувѣдѣнія и совѣта», и въ подтвержденіе своей мысли ссылается на извѣстныя въ исторіи лица, пользо-

¹⁾ Истор. Р., Соловьева, т. V, стр. 507.

вавшіся будто бы астрологическими предсказаніями, какъ-то на Сифа и Еноха, Сципіона Африканскаго и Аннибала, Александра Македонскаго; Фоку, Константина Великаго и др. Такъ напр. онъ утверждалъ, будто бы написано «въ Александровыхъ дѣяніяхъ, яже списаша мудріи и Александрову смѣлству и разуму достойни мужіе, яко аристотелевыми астрологія свѣтлыя она дѣла въ тридесятихъ лѣтѣхъ храбрествова». Въ защиту птицегаданія авторъ ссылаясь на примѣры Гедсона, Давида и др., которые будто бы совершали дѣла «звѣзднымъ угаданіемъ и летаніемъ и пѣтіемъ птичьимъ». Признавая астрологическую хитрость необходимою для царей, Феодоръ Карповъ, или скрывавшійся подъ его именемъ Нѣмчинъ, укорялъ Максима Грека за то, что онъ будто бы возвращаетъ ему заниматься науками. «Не глаголю тебѣ, отвѣчаетъ Максимъ Грекъ, не пріобщатися наказаній и словесныхъ ученій, украшающихъ Божія челоуѣка, яко же ты являешися по всему твоему посланію, клеветуещъ мене неправеднѣ... Когда отведохъ тебе или словомъ, или посланіемъ отъ врачевства или отъ инаго нѣкоего философскаго вѣдѣнія? По ниже отъ зрѣнія небесныхъ отлучаю тебе» ¹⁾.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ Николая Нѣмчина образовалась въ Московскомъ государствѣ цѣлая школа старинныхъ западниковъ, т. е. людей, привязанныхъ къ западной астрологіи и другимъ отраслямъ тогдашней науки и знанія. Они интересовались астрологіею, альманахомъ, ученіемъ о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ и часахъ, вѣрили въ птицегаданіе и, какъ видно изъ посланія Максима Грека къ Феодору Карпову, занимались врачевствомъ, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія изъ всеобщей исторіи и даже стремились къ «нѣкому философскому вѣданію». Вѣроятно, въ кружкѣ этихъ людей явился и переводъ съ латинскаго языка на русскій средневѣковой энциклопедіи, извѣстной

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., № 0. 19, гл. 13.

подъ именемъ Луцидарія или Златаго бисера Изъ «послания Максима Грека на объѣты пѣвскаго лагидиинина мудреца», адресованнаго какому-то Георгію, вѣроятно Георгію Ивановичу Токмакову, составителю повѣсти о Выдропуской иконѣ Богоматери, бывшему намѣстникомъ въ Исковѣ, видно, что Луцидарій только что переведенъ былъ тогда на русскій языкъ ¹⁾. Въ языкъ перевода встрѣчаются иногда польскія слова, напр. хлопы (chlory), бледы (bledy), ушкотилъ (uszkodził), побожныхъ (pobożnych); слѣдовательно переводчикомъ былъ какой нибудь полякъ, вѣроятно состоявшій латинскимъ толмачемъ при московскомъ дворѣ ²⁾. Многіе отдѣлы Луцидарія заключаютъ въ себѣ такіе же свѣдѣнія, какими интересовались Мисюръ Мунехинъ, Θεодовъ Карповъ и др.; но за то сѣтъ въ немъ и другія свѣдѣнія, не встрѣчающіяся у этихъ старинныхъ западниковъ. Такимъ образомъ Луцидарій, по всей вѣроятности обязанный своимъ переводомъ упомянутому нами кружку западниковъ и имѣющій тѣсную связь съ ихъ учениемъ и взглядами, въ тоже время представляетъ дальнѣйшую, высшую ступень въ научномъ ихъ развитіи.

Подлинникъ Луцидарія, написанный на латинскомъ языкѣ (Elucidarium) въ формѣ разговора между вопрошающимъ ученикомъ и отвѣчающимъ учителемъ и приписываемый то Ансельму Кантерберійскому, то Оомѣ Аквинскому и др. лицамъ, предлагаетъ схоластико-богословскія свѣдѣнія о Богѣ, человекѣ и отношеніяхъ его къ Богу. Главная мысль его раскрывается въ слѣдующихъ словахъ ученика: «повѣдалъ ми еси, како міръ сей сотворенъ... и како конецъ пріяти имать. Еще повѣждь ми..., како христіанство прославлено будетъ и что кажда вещь назнаменуетъ, еже мы по вся дни видимъ начинаемъ во святомъ христіанствѣ,—и

¹⁾ Истор. русск. слов., Галахова, т. I, стр. 143 и 149.

²⁾ Первая часть Луцидарія въ 1 кн. Лѣтописи русской литературы, Тихонова, 1859. Мы пользовались рукописью Киевск. дух. Академіи, № 0. 4°, 64.

како ся кончати имуть, и како единъ кійждо человекъ блюстися имуть, да не отлучается вѣчныя жизни». Въ развитіи частныхъ мыслей нашъ Луцидарій, въ настоящемъ своемъ видѣ, пользовался сочиненіями «св. Герасима великаго учителя», Аонасія патріарха Александрійскаго, четвертою книгою діалоговъ св. Григорія Двоеслова, отъ коего по всей вѣроятности, заимствована и разговорная форма Луцидарія, твореніями св. Іоанна Дамаскина, философіей Платона и Гугона, апокрифами, народными повѣстями и преданіями, напр. французскою поэмою о путешествіи св. жида Брандана въ земной рай, сказаніями объ Александрѣ Македонскомъ и другими «ижеими книгами». Хотя эти послѣднія и не обозначаются точно въ Луцидаріѣ, но изъ содержанія его видно, что то были различныя космографіи, средневѣковыя руководства къ зоологіи, извѣстныя подъ именемъ bestiariевъ, альманахи, гадательныя тетради (рафали) и проч. Такимъ образомъ Луцидарій сдѣлался энциклопедіей общихъ свѣдѣній о Богѣ, мірѣ, человекѣ, животныхъ, народахъ, странахъ и проч.

Примѣнительно къ содержанію и различнымъ источникамъ, какими пользовались составители Луцидарія, его можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: библейскую исторію, составленную преимущественно на основаніи апокрифовъ, космографію и географію, астрономію и астрологію, физику и фізіологію, зоологію или bestiariй, философію, правоученіе и церковный уставъ.

Что касается астрономіи и астрологіи,—то она извѣстна была русскимъ, какъ мы видѣли, еще до перевода Луцидарія и передаетъ почти такія же свѣдѣнія, какія сообщалъ русскимъ Николай Нѣмчинъ. Такъ напр. о вліяніи звѣздъ на человека Луцидарій говоритъ слѣдующее: «Сіе есть вѣдомо отъ писанія, еже душа приходитъ отъ Бога прежде человекомъ вліянія. Сіе есть Богъ надо всѣми звѣздами, яко убо душу блюдетъ по твердая убо планита ей ближе есть, отъ тое пріемлетъ свое урожденіе. Посему понеже шѣвіи плащиты или звѣзды суть студены

естествомъ, иѣкии сухія естествомъ, а иѣкии воягы естествомъ, и тѣ самыя естества приѣмлетъ человѣкъ отъ звѣздъ. Который человѣкъ сгуденанаго и сухаго естества есть, той молчати любитъ, а нескоро вѣрить, что слышитъ, дондеже испытно уразумѣтъ» и проч. ¹⁾. На вопросъ ученика: «отъ чего бываетъ громъ и молнія?». Учитель отвѣчаетъ: «громъ и молнія происходятъ отъ сраженія облаковъ, когда четыре вѣтра придуть съ моря и сразятся въ воздухъ и когда вмѣстѣ съ ними смѣсится огонь,—въ то время бываетъ сильная буря, стукъ великій—громъ и молнія; въ то же время падаютъ на землю стрѣлки громаыя и топорки сѣровидныя. И это творится на устрашеніе демонамъ; ибо демоны наблюдаютъ на какую страну Богъ напуститъ казнь» ²⁾. Не со-всѣмъ также новы въ Луцидаріѣ свѣдѣнія историческія, философскія и физиологическія, такъ какъ онѣ или извѣстны были отчасти Θεодору Карпову, или составляли предметъ его задушевныхъ желаній. Но за то мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ Луцидаріѣ свѣдѣнія по космографіи и географіи, физикѣ и зоологіи. Отдѣлъ космографіи и географіи рѣшалъ вопросы «о устроении міра», о томъ, «какъ земля стоитъ неподвижно», «откуда исходятъ источники водныя», «о раздѣленіи міра, на koliko частей бытъ раздѣленъ», и о трехъ частяхъ свѣта—Азіи, Европѣ и Африкѣ, о многихъ странахъ, и моряхъ, и рѣкахъ, о многихъ островахъ и горахъ и о многихъ дивныхъ тамо вещехъ». Сюда же входила и зоологія или свѣдѣнія «о дивныхъ и странно-слышающихъ лю-тыхъ зверехъ», «о единорогѣ звѣрѣ» и т. п. Въ отдѣлѣ физики, помѣщаемомъ въ Луцидаріѣ, говорилось о вѣтрѣхъ и громѣ, о каменіи градиомѣ, еже падаетъ отъ облака, о снѣгѣ, о дождѣ кровавомѣ, о дузѣ еже на облацѣ, о росѣ и инеи» и проч. ³⁾.

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., № о 4, 64, ч. 1, гл. 40 и 41.

²⁾ Истор. р. слов., Галахова, т. 1, стр. 143.

³⁾ Рукоп. Кіев. Акад. № о. 4, 64, ч. 1.

Конечно, много было въ этомъ Луцидаріѣ противнаго христіанскому ученію, церковнымъ преданіямъ и священному писанію,—и Максимъ грекъ сираведливо замѣчалъ, «что сіи вси отвѣты по виѣшней человѣчествѣй мудрости проходятъ, а не по благочестивомъ ученію и преданію» ¹⁾. Но ни Максимъ грекъ, ни послѣдующіе облачители не могли отклонить русскихъ грамотѣевъ отъ чтенія Луцидарія и подобныхъ произведеній; потому что онѣ оговѣчали потребности любознательнаго грамотника, который, не ограничиваясь положительной догматикой, хотѣлъ имѣть понятіе и о другихъ наукахъ: исторіи естественной, исторіи человѣчества, астрономіи, физикѣ, географіи. Они давали пытливому уму болѣе разнообразную пищу, да и въ сферѣ одного и того же знанія сообщали утвержденнымъ понятіямъ извѣстный просторъ и движеніе ²⁾. Притомъ и самыя мнѣнія о предметахъ видимаго міра стояли уже, въ извѣстной степени, на научной почвѣ, старались объяснить изъ общихъ разумныхъ началъ то, что прежде было только предметомъ суевѣрнаго страха. Дотолъ народъ, не чуждый мнѣнческихъ представленій языческой старины, въ явленіяхъ грозы и въ раскатахъ грома видѣлъ поѣздъ Перуна-громовика или пророка Іліи по небесному своду; а Луцидарій объясняетъ громъ и молнію естественными началами, сраженіемъ облаковъ, когда четыре вѣтра придуть съ моря и сразятся въ воздухъ и когда вмѣстѣ съ ними смѣсится огонь ³⁾. Въ пятнахъ на лунѣ простой народъ и доселѣ видитъ убіеніе Авеля Каиномъ; между тѣмъ Луцидарій объясняетъ «черноту луны» тѣмъ, что луна получаетъ свой свѣтъ и теплоту отъ солнца и только одною стороною принимаетъ отъ него свѣтъ, а другая остается темною ⁴⁾. Слѣдовательно Луцидарій и переводъ его на русскій языкъ свидѣтельству-

¹⁾ Рук. Кіев. Акад. № о. 19, отзывъ Максима грека о Луцидаріѣ.

²⁾ Истор. рус. словесн., Галахова, т. I, стр. 147.

³⁾ Рукоп. Кіев. Акад., № о. 4°, 64, ч. 1, гл. 48.

⁴⁾ Тамъ же, ч. 1, гл. 44.

ють о поступательномъ движеніи русской мысли. Этимъ объясняется какъ значительное распространеніе списковъ Луцидарія въ древней Россіи ¹⁾, такъ и дальнѣйшее развитіе его положеній и частныхъ отдѣловъ въ цѣломъ рядѣ другихъ подобныхъ, переводныхъ и компилятивныхъ произведеній, которые относятся къ Луцидарію, какъ отдѣльныя науки къ энциклопедіи ихъ. Въ этомъ отношеніи не безынтересно будетъ прослѣдить дальнѣйшую судьбу въ Россіи тѣхъ свѣдѣній и наукъ, которые въ общихъ чертахъ намѣчены были въ Луцидаріѣ, какъ то: астрономіи и астрологіи, космографіи и географіи, физиологій и бестіаріевъ съ лечебниками и наконецъ исторіи.

Тѣ же астрономическія и астрологическія свѣдѣнія, какія мы видѣли у Ѳеодора Карпова и въ Луцидаріѣ,—существовали и во времена Стоглаваго собора, такъ какъ соборъ этотъ объячаетъ волхвовъ и чародѣйниковъ, которые гадаютъ по Аристотелевымъ вратамъ и рафлямъ, наблюдаютъ звѣзды и планеты, смотрятъ дни и часы и проч. Къ числу отреченныхъ книгъ отнесены Стоглавномъ:²⁾ шестокрыль, воропограй, острономія, зодій, альманахъ, звѣздочетье ³⁾. Нѣкоторые изъ этихъ книгъ существовали еще ранѣе XVI вѣка, напримѣръ звѣздочетье, острономія, родопочитанье, громникъ, молніянникъ, колядникъ, зодій или водій, шестокрыль и др., упоминаемые въ спискѣ запрещенныхъ книгъ ³⁾; но теперь онѣ получили большую прочность, благодаря новымъ переводамъ астрологическихъ сочиненій и особенно Луцидарія. Между этими переводами немаловажное значеніе имѣетъ сочиненіе «тайная тайныхъ» или «Аристотелевы врата», оканчи-

¹⁾ Кромѣ рукописи, съ которой напечатана первая часть Луцидарія, мы нашли рукопись въ библіотекѣ Кіев. дух. Акад., и видѣли списокъ его въ частныхъ рукахъ. Луцидарій помѣщался также въ хронографахъ. См. у Попова, вып. 2, стр. 161—162.

²⁾ Истор. р. слов. Галах., 1, стр. 144.

³⁾ Тамъ же.

вающееся въ одной рукописи Лупидаріемъ ¹⁾. Это сочиненіе приписывается Аристотелю, который будто бы сочинилъ его для своего ученика Александра. Можетъ быть, еще Ѳеодоръ Карповъ въ 1524 году выѣлъ въ виду эту книгу, когда писалъ Максиму греку, что Александръ Македонскій «аристотелевыми астрологіи свѣтлыя она дѣла въ тридесятихъ лѣтѣхъ храбрствова». Въ такомъ случаѣ «тайная тайныхъ» переведена одновременно съ Лупидаріемъ и, можетъ быть, однимъ и тѣмъ же лицомъ польскаго происхожденія: по крайней мѣрѣ въ языкѣ перевода остались нѣкоторые польскія слова, напримѣръ шляхетный, приличенный (причисленный). Книга заключаетъ въ себѣ наставленія царю касательно управленія царствомъ и нравственнаго образа жизни, равно свѣдѣнія по астрологіи, хозяйству, медицинѣ и физіогномикѣ, и состоитъ изъ семи главъ изъ коихъ каждая дѣлится на части или «врата». Такъ, въ первой главѣ о свойствахъ царскаго нрава—четверо вратъ: о щедрости, о храбрости, о милосердіи, о добрѣ и злѣ. Вторая глава даетъ наставленія, какъ долженъ вести себя царь, чтобы возбудить въ подданныхъ твердую на себя надежду и похвалу своему житію; третья разсуждаетъ о способѣ вѣдать шляхетнымъ народомъ; четвертая—о правителяхъ, градодержцахъ, собирателяхъ дани и проч., пятая—о грядущихъ въ путь, о посланникахъ и ихъ поведеніи; шестая о боярахъ, слугахъ и воинахъ; седьмая—о военномъ званіи, войнѣ и образѣ царской жизни ²⁾.

Но «Аристотелевы врата» важны не только сами по себѣ, но и потому, что въ гѣсной связи съ ними, и именно съ тѣмъ отдѣломъ ихъ, въ которомъ говорится о физіогноміи, находятся два сочиненія Михаила Скотта: «физіогномика», переведенная въ 1670 году, и «о свойствахъ человѣка по его наружности», пере-

¹⁾ Тамъ же, стр. 147 и 149

²⁾ Тамъ же стр. 147 и 244

водомъ котораго въ 1677 году занимался іеродіаконъ и бібліотекаръ Чудова монастыря Теофанъ. Въ XVII же вѣкѣ переведены, вѣроятно съ польскаго, сочиненія и другихъ знаменитыхъ средне-вѣковыхъ философовъ, занимавшихся тайными науками и слывшихъ въ свое время за великихъ магиковъ, какъ то Альберта Великаго и Раймунда Люллія. Сочиненіе Альберта «о таинствахъ женскихъ» переведено на русскій языкъ въ 1670 году ¹⁾. Кромѣ того въ предыдущей статьѣ мы приводили уже «таблицу, составленную великимъ Альбертомъ, что въ цѣломъ году находится 32 дни, въ которые не должно ничего предпринимать или совершать важнаго». Таблица, вѣроятно, составлена на основаніи астрологическихъ свѣдѣній о вліяніи звѣздъ на судьбу человѣка. Когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, говорится въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка, тогда «съ жонами не спи: еще родится сынъ, ино будетъ курча и бесплоденъ» ²⁾. Что же касается Раймунда Люллія, то главный трудъ его—«Великая наука» (*ars magna*), называемая также «всеобщею» и «новой» и противопоставляемая другому его труду «краткая наука» (*ars brevis*). Въ русскомъ переводѣ она озаглавлена слѣдующимъ образомъ. «Великая и предивная наука Богомъ преосвященнаго учителя (преосвященный учитель—*doctor illuminatissimus*) Раймунда Люллія, новаго ученія творца—установителя» ²⁾.

Впрочемъ, Альбертъ Великій, Раймундъ Люллій и друг. не исключительно занимались астрологіей: ихъ труды входятъ также въ область фізіологіи и медицины,—и Альбертъ Великій прямо упоминается въ одномъ изъ нашихъ лечебниковъ. «Старые знатцы, говорится здѣсь,—которые открыли силы и угодыя въ звѣряхъ, птицахъ, и въ травахъ, и въ кореньяхъ, оставили намъ опыты про силы и угодыя нѣкоего камня именуемаго орловъ

¹⁾ Поэтич. воззр. славянъ на природу, т. III, стр. 326.

²⁾ Истор. р. слов., Галахова, т. I, стр. 245.

камень. Греки и латине называютъ тотъ камень атитесь, а нынѣ многимъ людямъ объявился отъ царскія птицы отъ орла, отъ чего и имя свое получилъ. Какъ орелъ сядетъ въ гнѣздѣ своемъ на яйцахъ, и онъ тотъ камень кладетъ въ гнѣздѣ своемъ. И въ орловомъ гнѣздѣ находятъ такихъ два камня. А держать орелъ тотъ камень въ своемъ гнѣздѣ для оберегашья дѣтей своихъ; потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія и отъ всякихъ золъ. А камень тотъ живетъ разнаго цвѣту, темнобагровъ и сѣроватъ. А въ которомъ камнѣ стучигъ, то мужичекъ; а въ которомъ разсыпается, то женочка. Въ этомъ камнѣ далъ Богъ дивныя угоды, таковы, что неслѣдующимъ людямъ нельзя про него и вѣры взять. А знатцы про тотъ камень писали подлинно: Изидорусъ писалъ въ своей 60 книгѣ въ 4-й главѣ, Плиніюсъ въ своей 36 книгѣ въ 23 гл., Деоскордіюсъ писалъ въ своей книгѣ о камнѣ; *Албартусъ Манусъ*, Матіолесъ, да Вареоломѣй англичанинъ писалъ въ своей книгѣ про всякія угоды, Ремеюсъ Белеовъ писалъ въ своей книгѣ о драгоценныхъ камняхъ и иные знатцы, которые тотъ камень у себя держали, и что въ томъ камнѣ силы и угоды, и они о томъ пишутъ: какъ женамъ легко родить: взявъ тотъ камень, привязать жепѣ той на лѣвой рукѣ или къ лѣвой ногѣ, и какъ родить, тотчасъ снять» и т. п. ¹⁾). Составъ лечбниковъ и травниковъ достаточно показаѣ обширнымъ заглавіемъ одного травника, переведеннаго съ нѣмецкаго какимъ-то литовскимъ полоняникомъ, родомъ нѣмчиномъ—Любчашиномъ. Кромѣ своего главнаго предмета—леченія болѣзней, свойства травъ и другихъ лекарствъ они содержатъ въ себѣ стагги по домоводству и сельскому хозяйству и календарныя замѣтки. Наука въ нихъ переплетена съ суевѣріемъ, естественное дѣйствіе растений не отличается отъ баснословной, сверхъ-естественной ихъ силы; наблюденія и опыты стоятъ рядомъ

¹⁾ Историч. очерки Буслаева, г. II, стр. 34, 35 и др.

съ примѣтами, причитаньями, заговорами, отреченными молитвами ¹⁾. Такія же суевѣрныя свѣдѣнія существовали и о животныхъ и вообще о чудесахъ природы, напримѣръ о кукушкѣ, крокодилѣ, водяномъ конѣ, саламандрѣ, многопожицѣ, а также о дикихъ людяхъ, чудовищахъ и вообще о народахъ ²⁾. Изъ средне-вѣковыхъ бестиаріевъ занесены въ Россію чужеземныя имена страуса, грифа и т. п. ³⁾.

Въ тѣсной связи съ физиологіями и бестиаріями находятся древнія космографіи и географіи. Въ нихъ помѣщались такія же свѣдѣнія о звѣряхъ и о чудесахъ природы, какія мы видѣли въ бестиаріяхъ. Такъ напримѣръ изъ средне-вѣковыхъ космографій перешли къ намъ, по мнѣнію г. Буслаева, свѣдѣнія о птицѣ сиринѣ, объ аспидѣ и т. п., помѣщавшіяся въ старинныхъ нашихъ азбуковникахъ. Въ одномъ азбуковникѣ говорится объ аспидѣ: «Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчишется, ту землю пусту чинить; живеть въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты, а на земли не садится, токмо на камени. Обояницы (т. е. обаятели, чародѣи), пришедши обояти, копають яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ, и ставятъ у себя угліе горящее и разжигаютъ клещи. Еда бо заиграють въ трубы, тогда засвищеть, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положить на землю и другое заткнетъ хоботомъ и, нашедъ диру малу, начинаетъ битися. Человѣцы же, ухватившее се клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же ея сокрушатся клещи не едины, но двои и трои, и такъ сожжена клещами умираеть». Это сказаніе азбуковника, сходное съ преданіями древней Эдды о

¹⁾ Исгор. руск. слов., Галахова, т. I, стр. 245.

²⁾ Историч. очерки, Буслаева, т. II, стр. 368—370, 33 и др.

³⁾ Поэтич. воззр. слав. на природу Аеаи., т. I, стр. 507.

Сигурдѣ, вѣроятно вошло въ него изъ хронографовъ и космографій, а въ космографіи Айтика изъ Истріи подобнымъ образомъ описывается убіеніе ядовитыхъ змій въ на островѣ Rifarica ¹⁾. Но главный интересъ космографій заключался не столько въ суевѣрныхъ свѣдѣніяхъ о разныхъ животныхъ, сколько въ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ данныхъ, заключавшихся въ космографіяхъ. Смотри на нихъ съ этой точки зрѣнія, государственные московскіе люди видѣли въ космографіяхъ средство къ обстоятельному ознакомленію какъ съ своею страной, такъ и съ другими странами, съ которыми имѣли или желали имѣть политическія и торговыя сношенія. Извѣстна карта Московскаго государства, начерченная рукою Ѳеодора Борисовича Годунова съ цѣлію ознакомленія съ своимъ государствомъ ²⁾. Въ XVII вѣкѣ по указу царя Алексѣя Михайловича, переведена была «книга, глаголемая космографія, сирѣчь всего свѣта описаніе» Герарда Меркатора (1512—1594).

Время перевода Герарда Меркатора и имена переводчиковъ указаны мигрополитомъ Евгеніемъ: «Лыковъ Богданъ, переводчикъ посылскаго приказа при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по указу его, въ 1637 году, съ товарищемъ Иваномъ Дорномъ перевелъ съ лагинекаго языка славную въ XVI вѣкѣ космографію Герарда Меркагора». Въ предисловіи къ ней говорится: «Всякому убо человѣку свойственно есть отъ Бога дарованнымъ ему разумомъ подѣ небесемъ обрѣтающихся всякихъ вещей, иже зрѣть очима своими, вѣдати, а о нихъ же слышать, изыскивати и изобрѣтати и розныя во едино совокупляти, и къ большому выражѣнію всемъ человѣкомъ явственнѣнно прѣдъ очима представляти. Такжеже и азъ къ тому принужденъ будучи къ прямому истин-

¹⁾ Историч. очер. русск. слов. и искуc. Букл. т. I, стр. 275—6, св. рукоп. Кіев. Акад. № о. 1/4. 45, л. 23—33.

²⁾ Истор. Росс., Соловьева, т. VIII, стр. 107.

ному пути географіи, сирѣчь всего свѣта земель образецъ или чертежъ, котораго четыре части суть: Еуропа, Африка, Азія, Америка; и тѣхъ четырехъ частей елико смогъ чертежъ учинити и предъ всѣми явленно поставити; а послѣ того особно всѣхъ тѣхъ земель чины и обычаи и правы человѣческія достовѣрно описахъ для вѣдома всѣмъ людемъ во всякихъ странахъ живущимъ. И если кто хошетъ увѣдати и желаетъ, что во всемъ свѣтѣ подъ небесемъ дѣлается, въ сей книгѣ въ четырехъ частяхъ свѣта явленно описано и чертежемъ назнаменовано: въ которой землѣ и государствѣ гдѣ что родится, и каковы люди чиномъ и нравы, и о ихъ храбрости, и о воинствѣ, и о городахъ, и о рѣкахъ, и о озерахъ, и о лѣсахъ, и о всякихъ вещехъ, и обо всемъ подробну и подлинно описано. Аще бы кто умомъ своимъ и многомысліемъ своимъ возлетѣ подъ небеса, яко высокопарный орелъ, и всю бы вселенную перешелъ, то и той многосмысленнымъ умомъ своимъ ничтоже успѣетъ, понеже мысли его, аки прахъ предъ лицомъ вѣтра, разнѣ развѣваются и ничтоже постоянно и твердо бываетъ, аще въ сію минуту космографію не возритъ и не смотритъ, ничего вѣдати не можетъ, въ которой ясно и зрительно духовнымъ и мирскимъ и всякаго чина людемъ объявлено. А та космографія многими премудрыми философы и мудрецы изыскана и сложена и свидѣтельствована со многими кройниками (хрониками), и съ философскими книгами исправлена: а нынѣ многотщательными трудами моими ново сложена во градѣ Дуисбургѣ, и тебѣ бы, возлюбленный читателю, сія моя труды приять съ любовію, дивяся неизреченному человѣколюбію Божію, яко небесная вѣдати открылъ, такоже и земная вся человѣческому естеству покорилъ».

Кромѣ Космографіи Герарда Меркатора въ XVII вѣкѣ явились и другія переводныя космографіи. Одно уже появленіе ихъ въ XVII вѣкѣ и разнообразіе служатъ лучшимъ

доказательствомъ возникшей въ обществѣ потребности въ общихъ географическихъ сочиненіяхъ. Такъ напримѣръ въ одномъ спискѣ хронографа помѣщены одна за другою двѣ космографіи. Первая изъ нихъ озаглавлена: «Книга глаголемая космограѳіа сложена отъ древнихъ философовъ, перевода съ римскаго языка». Вторая космографія озаглавлена: «Космограѳіа сиіртѣь всемірное описаніе земль въ едиіно пребываніе и пазнаменованіе степенемъ во округахъ небесныхъ». Начинается эта космографія краткимъ общимъ обзоромъ, четырехъ частей міра, Европы, Азіи, Африки и Америки; затѣмъ подробный расказъ начинается съ Европы, съ Британскихъ острововъ. Третья космографія помѣщена въ спискѣ хронографа 1696 года, подъ заглавіемъ: «Избраніе в кратце отъ книги глаголемыа космограѳіа, еже глаголетсѣ описаніе всего свѣта, изыскана и написана отъ древнихъ еилосовъ, и преведена съ римскаго языка на словенскій» ¹⁾. Наконецъ, есть еще «книга, глаголемая космографія; переведена бысть съ римскаго языка». Это есть не что иное, какъ лубочная карта, представляющая круглую равнину земли, омываемую со всѣхъ сторонъ рѣкою океаномъ. На восточной сторонѣ означенъ островъ Макарійскій, первый подъ самымъ востокомъ солнца, близъ блаженнаго рая; потому его тако нарицають, что залетаютъ въ сій островъ птицы райскія Гомаюнъ и Финиксы и благоуханіе износятъ чудное... Тамо зимы вѣтъ». Здѣсь же описывается страна блаженныхъ рахмановъ, которые повѣдаютъ неправды, ни естественныхъ нуждъ, и живутъ безъ трудовъ и печали: «страна—рахманы нагіе—подъ самымъ востокомъ солнца и царя имѣють у себя... Житіе ихъ таково: одѣваются листвіемъ древинымъ садовнымъ и отъ того овощемъ питаются, и жены имѣють, а ризъ и скота и хлѣба не имѣють, ни градовъ, ни войны не имѣють же... Да тутъ же

¹⁾ Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Попова. Москва, 1869 г., вып. 2, стр. 189—191 и 213—220.

подъ востокомъ солнца есть мѣсто, гдѣ исходятъ великія четыре рѣки райскія» и проч. ¹⁾.

Нѣкоторые рассказы изъ космографій помѣщались иногда въ хронографахъ. Такъ напримѣръ въ одинъ хронографъ «выписано изъ болшей козмографіи о указныхъ часѣхъ. Въ городѣ Люденѣ есть часы предивною мудростію устроены, нарицаемыя Лавренцы-янумъ, придѣланы къ костелной стѣлѣ; съ лица часовъ тѣхъ устроена доска мѣдная зѣло велика. На той доскѣ назnamenовано золотомъ и всякими разноцвѣтными красками часы указные дни недѣльные, и на всякій день свитцы во весь годъ, кругъ лунѣ, мѣсяцемъ рожденіе и ушербленіе, 12-ть знаменій небесныхъ въ лицахъ, пасхалія неисходимая, и весь алманахъ, всѣмъ зрящимъ и могущимъ разумѣти явственно открыто. Передъ тою доскою крыльцо широкое учинено, а по обѣимъ сторонамъ доски на правѣ и на лѣвѣ двери створчатыя, а внутри часовъ тѣхъ несказасмо прехитро и предивно устроено, именуется нарергонъ: всегда предъ боевымъ часомъ выѣзжаетъ на конѣхъ два воина оружейно и сбруйно, одинъ изъ дверей, а другіи изъ другихъ, именуется натафрактосъ, и одинъ противъ другаго храбрость и мужество показываютъ, чинятъ шумъ и трескотъ, и бився опять въѣзжаютъ внутрь, и двери затворяются. И потомъ одинъ воинъ палашемъ голымъ ударяетъ въ двери, и паки двери отворяются, и выходить съ правыя руки прекрасная дѣвица, съ великою славою нося на рукахъ своихъ младенца, и сядетъ на престолѣ свѣтлѣ, уготованномъ ей, потомъ изъ другихъ дверей выходятъ три вохвы цари одинъ по другому, всякой со своими людьми, и той дѣвицѣ со младенцемъ поклоняются и дары приносятъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ, аки живи суще, и паки тѣ вохвы входятъ, потомъ и дѣвица со младенцемъ входитъ, и двери

¹⁾ Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу; Леоанасьева. т. I. стр. 122; т. II, стр. 135 и 141.

затворяются, и внутри учинится великій шумъ и трескотъ, и абіе часы начинаютъ бити» ¹⁾). Но чаще всего самыя космографіи, какъ мы уже видѣли, въ цѣломъ своемъ видѣ входили въ составъ хронографовъ; слѣдовательно и прежде космографія и географія служила одною изъ вспомогательныхъ наукъ для исторіи или хронографовъ.

Собственно къ историческимъ произведеніямъ западнаго происхожденія, извѣстнымъ въ древней Россіи, относятся: хроника Мартина Бѣльскаго, хроника Конрада Ликостена и тропникъ папы Иннокентія III. Русскій переводъ хроники Мартина Бѣльскаго появился въ 1584 году и, вѣроятно, сдѣланъ былъ съ третьяго польскаго изданія 1564 года. О переводѣ ея на русскій языкъ въ заглавіи говорится слѣдующее: «А сія книга списана съ полскаго языка на русскій языкъ по повелѣнію Жигимонта короля полскаго, а переводилъ ее шляхтичъ великаго княжества литовскаго и сковоровомъ повѣтъ (?) Амброжей Брежевскій на честь и на хвалу Господу Богу, а на науку и поученіе русскимъ людямъ. Списана сія книга въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7092, а въ полскихъ числѣхъ въ лѣто отъ нарожденія Божія въ 1584 генваря въ 5 день». Этою переводною хроникой и воспользовался русскій собиратель хронографа 1617 года. Изъ нея онъ заимствовалъ, между прочимъ, свѣдѣнія: о сатирахъ, нигмеяхъ, и т. п., троянскую исторію, о Британіи и англійской землѣ, сказаніе о сивиллахъ 12-ти сирѣчь пророчицахъ, о папѣ Іоаннѣ, о польскихъ короляхъ и проч. Между ними стоять вниманія двѣ повѣсти: 1) «О островахъ дикихъ людей, коихъ нѣмецкіе люди называютъ новый свѣтъ или четвертая часть вселенныя», и 2) «О иныхъ походѣхъ и о Америкѣ». Эти статьи посвящены открытіямъ Колумба и Америка Веспуччія. Сколько извѣстно, Максимъ Грекъ

¹⁾ Обзоръ хронографовъ русской редакціи, А. Попова, 1869 года, вып. 2, стр. 192—193.

былъ первый, сообщившій на русскомъ языкѣ объ открытіи новаго свѣта. Затѣмъ второе мѣсто принадлежитъ русскому переводу 1584 года, хроникѣ Мартина Бѣльскаго, статьи которой объ Америкѣ распространялись на Руси при посредствѣ хронографовъ. Наконецъ, съ первой половины XVII вѣка появляются разнообразныя переводныя космографіи, о коихъ мы уже говорили, въ которыхъ русскій читатель встрѣчалъ и подробные рассказы объ Америкѣ ¹⁾. Нѣкоторыя статьи этого хронографа заносились и въ другіе рукописные сборники, напримѣръ о судѣ царей египетскихъ и о народномъ собраніи, о Попелѣ Попелевѣ сынѣ королѣ польскомъ, о Карулѣ королѣ римскомъ ²⁾, повѣсть о сивиллахъ пророчицахъ ³⁾ и проч. Наконецъ, вмѣстѣ съ хроникой Стрыйковскаго, хроника Бѣльскаго послужила основаніемъ баснословнымъ статьямъ о происхожденіи славянъ и Руси. Въ одной статьѣ славянскій народъ выводится отъ Мосоха, сына Аетова, принимаетъ участіе въ троянской войнѣ, получаетъ грамоту отъ Александра Македонскаго, разоряетъ Римъ и т. д. Вторая статья представляетъ изъ себя повѣсть о скиѣскихъ князьяхъ Словенѣ и Русѣ, Волхвѣ, Асанѣ и т. п. Это довольно оригинальная русская попытка по образцу польскихъ хроникъ, но независимо отъ нихъ, сочинить первобытную исторію русскихъ славянъ. Отъ Сяпоа, правнука Аета, происходятъ Словенъ, Русъ, Болгаръ, Команъ, Истеръ; у Словена дѣти—Волховъ и Волковецъ, а жена—Шелонъ; у Руса жена Порусья, а дочь Подлиста, у Волховца сынъ Желотугъ и т. д. Рядомъ съ этими произвольными вымыслами

¹⁾ Тамъ же, вып. 2, стр. 93—94, 104—112 и 117.

²⁾ Рукоп. Киев. Акад. № о. 1/4. 51, л. 5—8.

³⁾ Тамъ же, № о. 1/8. 32. Кромѣ того, повѣсть о сивиллахъ извѣстна была въ древней Россіи и независимо отъ хронографовъ. О сивиллахъ писалъ еще Максимъ Грекъ. Въ 1672 г. Николай Спафарій перевелъ книгу: «О іудейскихъ мудрецахъ, еллинскихъ философахъ и о сивиллахъ, коимъ ихъ были и кѣмъ имену именовались, и о предреченіихъ ихъ о Христѣ». См. Историч. очер., Буслаева, II, 364.

въ повѣсти сохранился и слабый отголосокъ народныхъ преданій о Перунѣ, чародѣѣ Волхвѣ, объ урочищахъ древняго Новгорода и его отдаленныхъ колоніяхъ» ¹⁾).

Другой источникъ историческихъ свѣдѣній западно-европейскаго происхожденія — сочиненіе Копрада Ликостена: *Prodigiorum ac ostentorum chronicon, quae praeter naturae ordinem, motum, in operationum et in Superioribus et his inferioribus mundi regionibus, ab exordio mundi usque ad haec nostra tempora, occiduntur...* Basileae 1557. «Копрадъ Ликостенъ, или собственно Woolfhart († 1561) извѣстенъ многими сочиненіями и изданіями; но главнымъ образомъ за нимъ осталось имя собирателя извѣстій о разныхъ пророческихъ предзнаменованіяхъ и естественныхъ явленіяхъ. Сочиненіе его de prodigiis имѣетъ специальную задачу собрать въ одно разсѣянные по авторамъ сказанія о чудесныхъ предзнаменованіяхъ, случившихся въ Римѣ и въ провинціяхъ. Такого же характера и его *prodigiorum chronicon*, изданное 1577 года. Задача этого сочиненія — сводъ извѣстій о сверхъестественныхъ явленіяхъ и предзнаменованіяхъ, случившихся въ предѣлахъ не одного римскаго государства, но всего міра, и начинается отъ сотворенія міра и доводится до времени жизни автора ²⁾. Въ подлинникѣ это сочиненіе Ликостена извѣстно было и югозападнымъ ученымъ, которые рекомендовали его, какъ важное пособие для проповѣдниковъ ³⁾; но на русскомъ языкѣ оно въ первый разъ

¹⁾ Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Попова, 1869 г., вып. 2., стр. 203—205; см. стр. 116, 241 и 267. Такого же характера сочиненія — «о началѣ славенороссійскаго народа и лѣтопись о зачалѣ Москвы», іеродіакона Тимофея Каменевичъ-Рвовскаго. См. Истор. русск. слов., Порфириева, 1870 года, т. I, стр. 308. Между рукописями Киев. Академіи одна озаглавляется такъ: «Начало великаго Новгорода и всего славенороссійскаго народа, откуда начася и како и до нынѣ славою пресвѣтлою сіяетъ». № о. ¹/₄. 70.

²⁾ Обзор. хроногр., Попов., вып. 2, стр. III и слѣд.

³⁾ Изъ исторіи гомилет. въ Киев. Акад. въ труд. сей Акад., 1866 г., стр. 88—9.

является на сѣверѣ Россіи. Русскій сокращенный переводъ хроники Конрада Ликостена относится къ 1599 году и извѣстенъ подъ такимъ заглавіемъ: «Кроника, сирѣчь лѣтописецъ чудесъ великихъ, небесныхъ и земныхъ отъ начала свѣта до нынѣшнихъ лѣтъ». Изъ нея внесены были въ русскій хронографъ 1617 г., между прочимъ слѣдующія статьи: 1) «О потопленіи града Лакриса. Въ лѣто отъ Адама 5075 во Атлянской земли потопило моремъ великой градъ именемъ Лакрисъ, и на томъ мѣстѣ сталъ великій островъ»; 2) «О потрясеніи земли. Въ лѣто 5122 было великое землетрясеніе. Тогда градъ Хемекъ, а другой Вура сквозь землю пошли». 3) «О разореніи римскомъ и о знаменіи небесномъ»; 4) «о Янусѣ» и проч. Кромѣ того, въ наши хронографы заносились и отдѣльныя статьи иностраннаго происхожденія, напримѣръ о вольномъ страданіи, тайной вечери Господа нашего Иисуса Христа, Его страданіи, смерти и сошествіи во адъ», рассказъ о Люторѣ Мартинѣ и проч. ¹⁾.

Наконецъ, въ нашихъ хронографахъ помѣщается и «тропникъ» папы Иннокентія III, переведенный съ польскаго въ 1609 году. Въ подлинникѣ сочиненіе это носитъ заглавіе *de contemptu mundi seu miseria hominis*. «Тропникомъ называется, «понеже не широкословіемъ путь спасенія являетъ, но краткими словесы отъ божественнаго писанія поучаетъ» ²⁾. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ помѣщенъ изъ «тропника» отрывокъ, въ которомъ говорится о пришествіи Христовѣ ко всякому человѣку въ часъ, въ онъже души его отъ тѣла разлучитися». Различая четыре пришествія Господня: плотію отъ пресвятыя Дѣвы, въ послѣдній день страшнаго суда, невидимое пришествіе ко всякому человѣку, имѣющему любовь и чистое житіе по благодати, и невидимое же пришествіе въ часъ исхода души отъ тѣла, авторъ останавли-

¹⁾ Обзоръ хроногр., Попов., вып. 2, стр. 127—131.

²⁾ Тамъ же, стр. 169 и слѣд.

вается своимъ вниманіемъ на послѣднемъ изъ этихъ пришествій, т. е. на пришествіи въ часъ исхода души отъ тѣла, и разсуждаетъ о предвѣстницѣ смерти—болѣзни. Она тоже бываетъ четырехъ видовъ: болѣзнь тѣлесная; болѣзнь душевная, происходящая отъ того, что въ часъ смерти душа видитъ предъ собою добрыя и злыя дѣла свои; болѣзнь душевная, являющаяся при видѣ злыхъ демоновъ, готовыхъ исторгнуть ее отъ окаянныя плоти, и четвертая болѣзнь, когда душа предстанетъ предъ нелицемѣрнымъ судіей и внутри себя услышитъ осужденіе за грѣхи на вѣчныя муки ¹⁾. Изъ записи въ русскихъ спискахъ открывается что тропиниъ переведенъ съ польскаго на русскій языкъ въ Москвѣ въ 1609 году Феодоромъ Касьяновымъ Гозвинскимъ, греческихъ и польскихъ словъ переводчикомъ. Хотя онъ мало заключаетъ въ себѣ историческаго элемента, но несмотря на то напечатъ себѣ мѣсто въ нашихъ хронографахъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: «Сіе же о началѣ свѣта сего о сотвореніи всяческихъ и первозданнаго человѣка, отъ него же и нашего человѣческаго рожденія ко происхожденію сего свѣта и скончаніе нашей жизни вмаѣ написахомъ, болшая же кто хочетъ слышати, да слышитъ въ особной книгѣ Нектіяна (Иннокентія) папы римскаго» ²⁾.

Вотъ кругъ наукъ западно-европейскаго происхожденія, который намѣченъ былъ еще на первыхъ порахъ сношеній Московскаго государства съ западною Европою и съ теченіемъ времени расширися все болѣе и болѣе! Прибавимъ къ этому еще неоднократно переводы съ иностранныхъ языковъ устава ратныхъ дѣлъ ³⁾, ариеметину Бурцева, 1645 г., и Николая Спафарія,

¹⁾ Рукоп. сборн. Кіев. Акад., № 10. 8° 69, л. 1—6.

²⁾ Обзоръ хронограф., Попова, вып. 2, стр. 169—172.

³⁾ По словамъ г. Соловьева, неудачи русскаго войска, превосходство иностранныхъ ратныхъ людей надъ русскими и необходимость учить другихъ при помощи шведовъ заставили, при Шуйскомъ, подумать о переводѣ съ иностранныхъ языковъ устава ратныхъ дѣлъ. Переводчикамъ

1672 г., его же «мудрость или оглашение седми свободныхъ художествъ, кая что въ себѣ содержитъ», 1673 года, математику 1664 года ¹⁾, статейные списки, которыми послы давали отчетъ въ своемъ пребываніи при иностранныхъ дворахъ, и куранты или извлеченія изъ этихъ списковъ ²⁾,—и мы поймемъ, что всѣ сношенія Московскаго государства съ западною Европою и всѣ получаемыя оттуда свѣдѣнія были дѣловаго, практическаго характера, который рѣзко отличаетъ младенчествушую московскую науку отъ югозападной. Югозападные ученые преимущественно занимались богословіемъ, словесными науками и проповѣдничествомъ и, если пользовались свѣтскими науками, то употребляли ихъ только какъ средство для возвышенія богословія и проповѣдничества. Между тѣмъ въ Московскомъ государствѣ прежде всего являются зародыши наукъ практическихъ, какъ-то астрономіи и астрологіи, физиологіи и зоологіи, географіи, исторіи, ариметики, математики и военнаго искусства, въ ихъ примѣненіи къ житейскимъ и государственнымъ нуждамъ.

Хотя всѣ эти научныя свѣдѣнія не относятся прямо къ области литературной исторіи, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—тѣмъ неменѣе онѣ важны для насъ въ томъ отношеніи, что опредѣляютъ собою характеръ и собственно литературныхъ заимствованій съ запада, какія дѣлались Московскимъ государствомъ и его жителями. Какъ научныя свѣдѣнія, получаемыя

были Михайло Юрьевъ и Иванъ Юмъинъ. Истор. рус. слов. т. VIII, 327. По словамъ г. Галахова, первая книга по теоріи военнаго искусства «книга воинская о всякой стрѣльбѣ и огненныхъ хитростяхъ» выбрана изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ (1607 и 1621). Второе руководство, изданное подъ заглавіемъ «ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» (1647—49) есть переводъ сочиненія, написаннаго на нѣмец. языкѣ однимъ капитаномъ датской службы. См. истор. русск. слов., Галахова, I, стр. 246.

¹⁾ Истор. русск. слов., Галах., I, стр. 245.

²⁾ Тамъ же, стр. 166 и 244.

московскими людьми съ запада. были дѣловаго, практическаго характера; такъ и литературныя заимствованія съ запада были преимущественно свѣтскаго характера и вызывались не столько релігіозными нуждами массы народа сколько сословными интересами высшихъ государственныхъ классовъ. Этому основному характеру тѣхъ литературныхъ заимствованій съ запада, какія допускало Московское государство, не противорѣчить, по нашему мнѣнію, и знакомство московскихъ людей съ западными произведеніями релігіознаго характера, извѣстными еще въ югозападной Россіи и перешедшими оттуда въ Москву, какъ то со сборниками, извѣстными подъ заглавіями: Дѣянія Римскія, Зерцало Великое, Звѣзды Пресвѣтлыя и т. п. Сборники эти пользовались большимъ уваженіемъ въ Московской Руси, — и отрывки изъ нихъ нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ сборникахъ житій. Но Московская Русь не остановилась на этихъ сборникахъ и перешла отъ нихъ къ ознакомленію съ тѣми источниками, на основаніи коихъ они составлены. Въ составъ этихъ сборниковъ входили измѣненные рассказы изъ римской и восточной литературы, житія святыхъ, народныя сказки, средневѣковыя историческія преданія и т. п. Поэтому, вслѣдъ за сими сборниками стали являться въ Московской Руси переводимыя сочиненія болѣе или менѣе свѣтскаго характера, какъ то: отрывки изъ римской и восточной литературъ, отзвуки западнаго героическаго эпоса, перешедшаго къ намъ болѣею частію въ видѣ свѣтскихъ повѣстей и сказокъ, и наконецъ сочиненія, представляющія изъ себя поддѣланную обработку восточныхъ и западныхъ народныхъ преданій въ веселомъ духѣ. Цѣль и значеніе перевода всѣхъ этихъ и подобныхъ произведеній иногда прямо указывалась въ особыхъ замѣткахъ, что, наприм., чтеніе такого го сочиненія — отрада въ скукѣ, или что извѣстнаго произведеніе составлено или переведено «въ назиданіе храбрымъ нынѣшняго вѣка». Подъ влияніемъ этихъ произведеній западнаго происхожденія въ сѣверной Россіи составлялись и доморощенныя

подобныя произведенія, такъ что къ концу древняго періода русской исторіи свѣтская литература принимаетъ значительныя размѣры и въ ней получаютъ мѣсто даже свѣтскія произведенія устной народной словесности, не удостоивавшіяся до того времени занесенія на бумагу.

Соотвѣтственно различнымъ родамъ литературныхъ произведеній, заимствовавшихся чрезъ Московское государство съ запада, и различному значенію ихъ въ Россіи, мы скажемъ сначала о сборникахъ религіознаго характера, извѣстныхъ еще въ югозападной Россіи, затѣмъ о литературныхъ произведеніяхъ свѣтскаго характера изъ восточной римской и средневѣковой исторіи и позднѣйшей переработкѣ ихъ и о русскихъ подражаніяхъ этимъ образцамъ.

Изъ литературныхъ сборниковъ религіознаго характера, имѣющихъ признаки югозападнаго происхожденія, еще въ югозападной Россіи мы встрѣчали слѣдующіе сборники: Римскія Дѣянія, Великое Зерцало, Звѣзды Пресвѣтлыя и т. п. Эти сборники, какъ мы уже сказали, сдѣлались извѣстными и въ сѣверной Россіи. Кромѣ того здѣсь присоединились къ нимъ отдѣльныя рассказы такого же характера, какъ напримѣръ, рассказъ о превращеніи одного немилостиваго господина въ страшнаго пса въ чешскомъ королевствѣ, близь города Праги, въ 1673 году и проч. Разсматриваемые въ подлинномъ своемъ видѣ, помянутые сборники и рассказы, повидимому не даютъ намъ особенныхъ чертъ для характеристики западнаго вліянія на Московскую Русь; но они важны для насъ не по первоначальному виду и полному составу ихъ, а по тѣмъ отрывочнымъ рассказамъ, какіе помѣщались въ различныхъ сборникахъ житій на ряду съ житіями православнаго происхожденія; потому что въ такомъ или иномъ выборѣ этихъ отрывковъ и обнаруживается литературный вкусъ старинныхъ московскихъ грамотѣевъ.

Сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Римскія Дѣянія» (*Gesta Romanorum*) есть самый любопытный сборникъ, такъ какъ онъ составлялъ главный запасъ для итальянскихъ новеллистовъ. Въ настоящее время считается доказаннымъ, что подъ этимъ названіемъ существовало два сборника: одинъ меньшаго объема составленъ въ Англіи первоначально на латинскомъ языкѣ и потомъ переведенъ на англійскій; другой составленъ на континентѣ и содержитъ въ себѣ около 180 главъ. Послѣдній нѣкоторые приписываютъ Петру Берхорію, пріору Бенедиктинскаго монастыря въ Парижѣ, умершему въ 1362 году, другіе же—неизвѣстному пѣмцу. Всего вѣроятно, что сборникъ этотъ составилъ не сразу, а постепенно, такъ какъ и печатное изданіе разнится въ числѣ главъ. Въ 1358 году, когда Боккаччо писалъ свой Декамеронъ, «Дѣянія римскія были уже въ большомъ ходу; на степень распространенности этой книги указываетъ то обстоятельство, что первое изданіе было сдѣлано въ 1473 году и въ короткій промежутокъ времени выдержало 50 изданій. Кромѣ существовавшихъ въ то время сборниковъ, авторъ пользовался легендами о святыхъ, латинскими хрониками, притчами изъ повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ и т. п. Любопытно то обстоятельство, что онъ самъ часто ссылается на *Gesta Romanorum*, вѣроятно подразумѣвая подъ этимъ не какой либо другой сборникъ, а просто всеобщую исторію. Разказы сборника не связаны между собой и не имѣютъ предисловія, которое указывало бы на цѣль сборника или на автора; порядокъ главъ не обусловленъ ихъ содержаніемъ. За каждой повѣстью слѣдуетъ ея нравственное толкованіе, чрезвычайно искусственное въ схоластическомъ духѣ ¹⁾). Русскій переводъ относится, судя по языку и другимъ обстоятельствамъ, уже ко второй половинѣ XVII в. и сдѣланъ съ польскаго перевода. Переводъ нашъ называется Дѣя Римскія (т. е. *Dzieje Rzymskie*) или повѣ-

¹⁾ Очерки изъ истор. средневѣк. литер., Кирпичникова, 1869 г., стр. 265—266.

ети изъ римскихъ дѣлій и заключаетъ въ себѣ только около 40 разсказовъ. Въ составъ русскаго перевода между прочимъ, вошли: о гордомъ царѣ Іовиніанѣ и сходная съ нею повѣсть о царѣ Агеѣ, како пострада гордости ради, повѣсть о Генрихѣ Леопольдовичѣ и Конрадѣ, сходная съ русской сказкой о Марѣѣ богатомъ, прикладъ о лести діавольстей, повѣсть о Аполлоніѣ королѣ тирскомъ, прикладный животъ св. Алексѣя человека Божія, повѣсть о преподобномъ отцѣ Григоріѣ папѣ римскомъ и житіи его ¹⁾. Въ своемъ мѣстѣ мы касались уже повѣсти «о царѣ Агеѣ, како пострада гордости ради за евангельское слово. «Приведемъ содержаніе нѣкоторыхъ другихъ, болѣе замѣчательныхъ разсказовъ. -- Въ повѣсти о Генрихѣ разсказывается слѣдующее. Въ царствованіе Конрада былъ одинъ графъ, по имени Леопольдъ, который, навѣкиши на себя королевскій гнѣвъ, бѣжалъ съ женою въ лѣсъ и скрывался тамъ въ шалашѣ. — Въ этомъ лѣсу охотился однажды Конрадъ. Застигнутый ночью, онъ принужденъ былъ искать гостепріимства въ томъ же шалашѣ, въ которомъ скрывался Леопольдъ. Хозяйка, бывшая въ послѣдней степени беременности, приготовила ему все необходимое, какъ могла лучше. Ночью она родила мальчика, и императоръ услышалъ внезапно голосъ: возьми, возьми, возьми! онъ пробудился въ испугѣ и спрашивалъ себя: что значать эти слова? Что я долженъ взять? и подумавъ такимъ образомъ, онъ заснулъ. Потомъ онъ услышалъ снова голосъ, говорившій: отдай, отдай, отдай! Опечаленный, онъ говорилъ себѣ: что это значить? Что мнѣ отдать, когда я ничего не бралъ! Въ третій разъ онъ былъ пробужденъ словами: бѣги, бѣги, бѣги! Вставши поутру, онъ сказалъ двумъ оруженосцамъ: «подите, отнимите изъ рукъ матери ребенка, разрубите пополамъ и принесите мнѣ его сердце». Они исполнили первую часть приказанія, но мальчикъ былъ такъ хорошъ, что они нежалѣли убивать его,

¹⁾ Учен. зап. Акад. Наук., т. IV, очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ русскихъ, Пыпина, стр. 183—198.

а положили на дерево, сами же убили зайца и сердце его принесли государю. Въ тотъ же день мимо того мѣста, гдѣ лежалъ мальчикъ, проходилъ одинъ герцогъ; онъ взялъ мальчика съ собою, принесъ его женѣ, и такъ какъ у нихъ не было дѣтей, они усыновили его и назвали Генрихомъ, а всѣмъ другимъ выдавали его за собственнаго сына. Мальчикъ выросши, былъ очень красивъ собой, краснорѣчивъ и обходителенъ. -- Тогда императоръ выпросилъ его у отца и оставилъ жить въ дворцѣ; но видя, какъ всѣ любили его, онъ сталъ опасаться, чтобы онъ современемъ не занялъ его престолъ, и задумалъ убить его. Онъ послалъ его къ своей женѣ съ письмомъ, въ которомъ было написано: «если тебѣ дорога жизнь, тотчасъ же по прочтеніи письма убей этого мальчика». По дорогѣ Генрихъ пришелъ въ церковь и заснулъ тамъ на лавкѣ; священникъ изъ любопытства открылъ его сумку и прочелъ письмо. Желая спасти мальчика, онъ вытеръ слова «убей его», а вмѣсто того вписалъ: «отдай за него дочь». Царица, прочтя письмо и признавъ печать и руку мужа, созвала бароновъ и отпраздновала свадьбу въ Ахенѣ. Когда Конраду рассказали о торжествѣ, онъ чрезвычайно изумился и, узнавъ истину отъ оруженосцевъ и священника, рѣшился не противиться больше Божьей волѣ и призналъ Генриха своимъ зятемъ и наследникомъ ¹⁾. Эта повѣсть во многомъ сходна съ нашимъ русскимъ преданіемъ о Маркѣ богатомъ ²⁾. Въ 15 главѣ Дѣяній римскихъ разсказывается житіе Алексѣя человека Божья, столь распространенно въ нашихъ духовныхъ стихахъ: воспитаніе его, женитьба, бѣгство на паромѣ въ Лаодицію, въ Эдессу, раздача имѣнія, его

¹⁾ Очерки изъ истор. средневѣк. латер. Кириичникова, 1869 года, стр. 271.

²⁾ О Маркѣ богатомъ см. подлѣч. воззрѣнія став. на прир., III 336—338. Подобное — въ нашихъ прологахъ, надъ заглавіемъ, «яко недовѣствовати о немъ отъ церкви, егда поюеть»; см. Памятн. старин. рус. лит., вып. I, стр. 81 и сл.

нищенская жизнь, возвращение домой, поношение отъ слугъ въ домѣ отца, труды его, смерть, плачь жены и т. д. ¹⁾. Въ прикладѣ о лести дьявольствѣй разсказывается слѣдующее: «Шли нѣкогда три товарища, и прилучися имъ нѣкоторое время, что не имѣли что поѣсти». Они рѣшили, отдать оставшійся у нихъ кусокъ хлѣба тому, кто увидитъ лучшій сонъ. Двое изъ нихъ тотчасъ легли спать, а третій между тѣмъ съѣлъ весь хлѣбъ. Проснувшись, первый разсказывалъ, что видѣлъ себя на небѣ; второй,—что видѣлъ обитателей ада; третій сказалъ имъ, что ангелъ показывалъ ихъ ему, одного на небѣ, а другого—въ аду, и что такъ какъ имъ уже не былъ пужень кусокъ хлѣба на землѣ, то онъ и рѣшился съѣсть его одинъ ²⁾. Этотъ разсказъ—арабскаго происхожденія и встрѣчается въ *Disciplina clericalis* Петра Альфонса. Разсказъ этотъ пріобрѣлъ большую популярность: онъ сдѣлался русскимъ народнымъ анекдотомъ; арабская обстановка естественно измѣнилась въ русскую, и три араба первоначальной редакціи превратились въ русскаго и татарина ³⁾. Повѣсть о св. Григоріѣ напѣ римскомъ приписываетъ этому св. отцу черты греческаго Эдипа. По разсказу ея, у одного царя было двое дѣтей, сынъ и дочь. По смерти отца, сынъ его Паркусъ наследовалъ престолъ и взялъ на свое пощеніе сестру; но чрезъ нѣсколько времени напѣ съ нею, имѣлъ отъ нея сына и въ скоромъ времени умеръ въ Палестинѣ, куда онъ отираивался замаливать свой грѣхъ. Узнавъ о его смерти, сестра пустила дитя на воду, которая и принесла его къ одному монастырю. Здѣсь онъ взятъ былъ монахами, выросъ въ монастырѣ и наученъ грамотѣ; но, узнавъ о своемъ незаконномъ происхожденіи, оставилъ монастырь и отираивался путешествовать. Случайно приходитъ онъ въ то царство, гдѣ по смерти Паркуса, царствовала мать Григорія, избавляетъ

¹⁾ Очерки Кириичникова, стр. 274.

²⁾ Очеркъ литер. истор. старинныхъ повѣстей и сказ., Ины. стр. 190.

³⁾ Очерки..., Кириичникова, стр. 260—261.

ее отъ нападенія Бургундскаго герцога и женится на ней. Но скоро открылось, что онъ женился на своей матери. Тогда онъ оставляетъ царство и удаляется на какой то островъ, въ пещеру, гдѣ рыбакъ по его просьбѣ, заперъ его, а ключъ бросилъ въ море. — Между тѣмъ въ Римѣ умеръ папа, и римлянамъ было откровеніе свыше, чтобы они избрали себѣ папой Григорія. Посланные отравились за Григоріемъ и отыскиали того рыбака, который заперъ его въ пещерѣ на островѣ. Рыбакъ поймалъ въ морѣ рыбу, нашелъ внутри ея ключъ отъ пещеры Григорія и отперъ ее. Григорій сдѣлался папою. Черезъ нѣсколько времени пришла въ Римъ и его мать и здѣсь проводила остальную жизнь свою въ покаяніи и слезахъ ¹⁾. Въ народныхъ преданіяхъ и въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ это сказаніе примѣняется то къ Андрею Критскому, то къ Іудѣ предателю ²⁾.

Другой сборникъ религіознаго характера Великое Зерцало, извѣстный въ югозападной Россіи, появился на славяноросійскомъ языкѣ въ 1667 году, по желанію и повелѣнію царя Алексѣя Михайловича. Мы уже говорили о назидательномъ значеніи этого сборника. Не смотря на то, онъ однакожъ заключалъ въ себѣ нѣкоторыя повѣсти, основывавшіяся на одномъ анекдотическомъ интересѣ и тѣмъ отчасти противорѣчащія общему направленію сборника, эти рассказы взяты изъ шуточныхъ и анекдотическихъ сборниковъ фацецій и въ Зерцалѣ не совсѣмъ умѣстны, какъ напр. слѣдующій анекдотъ, извѣстный и въ нашей народной словесности: «Мужъ съ женою единою иде чрезъ пиво, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена. Жена же противнымъ образомъ рече: пѣсть се покошена, но пострижена, — сопротивляющися мужу много; егда же мужъ глаголаше, яко покошепа,

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., №№ о. 8 и о, 4^о 75.

²⁾ См. о народныхъ праздникахъ въ югозападной Россіи, въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., за сент. 1871 года.

а жена глагола: подстрижена. Мужъ же, на глѣвъ подвигшися, вверже ю въ воду; егда же въ водѣ вышше неможаще глаголати, протяже руку отъ воды. творяше знаменіе перстами на подобіе можицѣ, являюще, яко быти пострижена, а сочротивляющися даже до смерти». Многія повѣсти относятся къ лицамъ историческимъ; нѣкоторыя изъ нихъ, напр. о Попелѣ королѣ польскомъ, прибавлены вѣроятно польскимъ передѣльвателемъ книги. Разказы изъ Великаго Зеркала списывались въ рукописяхъ и отдѣльными статьями и такимъ образомъ расходились еще болѣе ¹⁾. Самый распространенный въ югозападной и сѣверной Россіи разказъ изъ Великаго Зеркала, это — разказъ о Магдебургскомъ епископѣ Удонѣ. «како онъ страшнымъ и ужаснымъ образомъ преданъ и вельми грозно осужденъ» ²⁾. Кромѣ того изъ этого сборника вошли въ наши старинныя рукописи разказы: «о чудесахъ Пресвятыя Богородицы: милосердіи ея къ нѣкоей вдовѣ»; «о еже честь воздавати родителемъ и не презирати ихъ»; о дѣвицѣ, а по другимъ рукописямъ — о матери одного пресвитера, исповажавшейся въ блудѣ, и проч. Первый изъ этихъ разказовъ передаетъ слѣдующее: Одна женщина по смерти мужа имѣла у себя одного сына и любила его «паче мѣры». Но нѣкоторые «злобныя челоуѣцы» оклеветали его передъ судьей, который, не изслѣдовавъ дѣла надлежащимъ образомъ, велѣлъ посадить его въ темницу. Узнавъ объ этомъ, мать отрока обратилась къ Пресв. Богородицѣ и непрестанно молилась о избавленіи ея сына. Нужно замѣтить, что въ церкви того города паходился образъ Богоматери, «художикъ изъ камени яко живой содѣланъ, и предвѣчный, младенецъ на руку ея такожде яко живой особно сѣдающъ». Долго молясь этому

¹⁾ Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, Пышина, стр. 198—203.

²⁾ Кромѣ извѣстныхъ въ печати указаній на эту повѣсть, — мы нашли 3 экз. ея между рукописями Кіев. Акад., а именно въ №№ 0. л. 47; 0. 3; 0. 4^о. 31.

образу и не видя избавленія сына, вдова наконецъ «сотвори сицеву дерзость». Пришедши къ этому образу, она пала передъ нимъ и сказала: «О, преблагословенная дѣвице! коль многократно азъ бѣдная притекая къ тебѣ молихся и просихъ милость твою о-избавленіи сына моего! Ты же милости и прощенія пріятѣ не сподобила мя. Сего ради яко же Ты мене сына моего лишила еси, тако и азъ Сына Твоего возлюбленнаго взаимъ возму отъ Тебе и не отдамъ, дондеже Ты мнѣ его не отдаши». Послѣ этого она взяла съ рукъ Богоматери образъ Предвѣчнаго младенца, отнесла въ свой домъ, положила «къ крабину свою» и замкнула. Въ слѣдующую ночь Пресв. Богородица явилась въ темницѣ сыну вдовицы и выпустила его изъ темницы съ тѣмъ, чтобы его мать возвратила ей Предвѣчнаго Ея Сына ¹⁾. Въ разсказѣ «о еже честь воздавати родителямъ и не презирати ихъ», говорится, что въ Германіи былъ одинъ богатый человѣкъ, имѣвшій единственнаго сына. Въ томъ же мѣстѣ былъ другой знатный человѣкъ, имѣвшій единственную дочь, который предложилъ помянутому богатому человѣку выдать свою дочь за его сына, съ тѣмъ, чтобы онъ еще при жизни своей предоставилъ дѣтямъ распоряженіе своимъ имуществомъ. Богачъ послѣдовалъ совѣту знатнаго, записалъ сыну все свое имѣніе и женилъ его на дочери знатнаго. Но сынъ недолго послѣ этого уважалъ своихъ родителей: на четвертый годъ, по наущенію своей жены, онъ отдѣлилъ отца и мать въ особый домикъ, построенный у воротъ его дома, и весьма скудно выдавалъ имъ необходимое для жизни, такъ что они должны были терпѣть голодъ и недостатокъ во всемъ. Однажды случилось матери сидѣть противъ оконъ дома своего сына, и она увидѣла, что въ домѣ сына жарили гуся на обѣдъ, и сказала объ этомъ престарѣлому своему мужу. Послѣдній отправился въ домъ сына; но сынъ, завидѣвъ отца, велѣлъ спрятать отъ него

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., № О. 4^о. 63, л. 99—100.

гуся. Отец воротился въ свой домикъ ни съ чѣмъ, оплакивая старость свою безцѣстную. Между тѣмъ, по удаленіи отца, сынъ велѣлъ опять приставить гуся къ огню; но когда хотѣли взять гуся, то на немъ оказалась страшная и великая жаба; величиною съ самого гуся. Сынъ взялъ нѣкоторое оружіе и хотѣлъ имъ сбросить жабу съ гуся; но жаба, оставивши гуся, бросилась на лице неблагодарнаго сына и впиалась въ его лице, очи и голову, такъ что нельзя было отнять ее никакимъ образомъ. Это было наказаніемъ Божиимъ неблагодарному сыну за пренебреженіе родителей. Онъ созналъ свой грѣхъ, явился къ епископу съ покаяніемъ и получилъ отъ него такую епитимію, чтобы съ открытымъ лицомъ ходилъ во всѣхъ предѣлахъ и во всемъ исповѣдывалъ свой грѣхъ, ради котораго потерпѣлъ наказаніе. Наконецъ, послѣ долголѣтняго покаянія, человекъ этотъ получилъ исцѣленіе: жаба отпала отъ его лица ¹⁾. Третій изъ указанныхъ нами рассказовъ Великаго Зеркала передаетъ слѣдующее: Одинъ священноинокъ молился объ отпущеніи грѣховъ своей матери и въ видѣніи увидѣлъ ее «на огненномъ змѣи сѣдѣщу, на очесѣхъ ея великіи жабы, во ушахъ ея стрѣлы огненныя, изо устъ ея огонь великій исходяще, за перси ея два змѣи сосутъ, руцѣ же ея два пса адстѣи страшніи грызутъ, во главѣ ея колѣико власовъ,—только еще руцѣ огненныя воззошася». На вопросъ инока она отвѣчала: «жабы, яже видѣши на очесѣхъ моихъ великіи, за безстыдный взоръ мой, что я взираю безстыдно на мужескій полъ и съ похотію смотрю на нихъ; стрѣлы огненныя во ушахъ моихъ—за слышаніе плесней бѣсовскихъ и всякаго скоморошества и игранія бѣсовскаго; огонь изо устъ моихъ—за цѣлованіе любодѣвъ и прелюбодѣвъ; змѣи сосутъ за перси моя, понеже любодѣи и прелюбодѣи многіе руками своими осизали груди моя; адстѣи псы грызутъ руцѣ мои за обниманіе любодѣвъ и прелюбо-

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., № о. 4^о. 51, л. 19—21. Подобный рассказъ — въ Римскихъ дѣянiяхъ. См. учен. зап. Ак., II, II, стр. 191.

дѣвъ, что съ многими я обнималася и цѣловалася безстыдно; на шею мою ужъ великій обвился, занеже украшала выю свою, многія монасты и цѣпи возлагала ко прельщенію юныхъ; а на главѣ моей ящерицы за украшеніе главы моея; а на семь огненномъ змій сижу, то есть смертный грѣхъ блудный, что со многими я блудодѣйство творила и за многую похоть» ¹⁾. Хотя она и исповѣдывалась во грѣхахъ своихъ, но «нечисто», никогда не открывала духовному отцу блуднаго грѣха своего и умерла въ немъ. Инокъ хотѣлъ помолиться за грѣшницу, но змій двинулся

¹⁾ Въ другомъ спискѣ муки и объясненія ихъ—нѣсколько иныя. Монахъ видѣлъ «матерь свою нагу сѣдящу на змѣй страницѣхъ, изъ устъ же его исходить пламень огненный, мати же его связана по руку и по ногу желѣзными путы огненными, спереди же ея той бііеи каменіемъ по устамъ и по зубомъ, сокрушающа ея челюсти, а иже созади ея, той трезубцами огненными терзаетъ тѣло ея; на главѣ же ея сѣдять змѣя скоронія лютая; во ушесѣхъ же ея двѣ мыши лютыя и сосутъ мозгъ изъ главы ея; во очесѣхъ же ея двѣ ящерицы, около ея обвился есть ужъ великій и ссѣтъ за сосца ея на рукахъ—змій огненный» Эти муки грѣшница объясняетъ слѣд. образомъ: «Еже видѣши мѣ нагу, сѣдящу на семь страницѣхъ змѣй, того ради, яко любила многое блудодѣяніе неводержко творити; а иже определи мене біеги каменіемъ по устамъ моимъ за то, что азъ отцу своему говорила, дабы онъ мѣ драгія и многоцѣнныя ризы покупалъ, и сими одѣвающиися многихъ на злое похотѣніе привела, иныя жены на то поучала; а иже созади мене трезубцами терзаетъ тѣло мое,—слико суть блудникии моихъ, толико суть трезубцевъ вонзошася ми въ тѣло мое на всякъ день,—а иже на главѣ моей сѣдять змѣя скоронія лютая, ради украшенія главы моея; во ушесѣхъ же двѣ мыши лютыя и сосутъ мозгъ главы моея, ради слышанія неподобныхъ и скверныхъ словесъ и ради слышанія неподобныхъ нѣсеней бѣсовскихъ; во очесѣхъ же моихъ двѣ ящерицы ради возрѣвія неподобнаго ко злому похотѣнію; а около выи моея обвился есть ужъ великій, ради того, еже любила около выи моея (посѣти) чепи и монасты златія; а еже сосѣтъ за сосца моя, того ради, еже даяхъ безъ срама имати блудодѣйцамъ за сосца моя; а еже на рукахъ змѣй огненныя, того ради, еже на рукахъ своихъ имѣла и любила носити многія перетни златія и серебряныя ради дотыканія рукъ ко блудодѣйцамъ». См. Памятн. старин. рус. литер., выш. I, стр. 103; Поэгич. возвр. слав. на природу, Лѣан., III, стр. 585

съ нею въ адскія пѣдра: «кабѣ смрадѣ велій повѣя и яко блесковца отъ очію его скоро отыде» ¹⁾).

Независимо отъ сборниковъ религіознаго характера, нѣкоторые любопытные западные рассказы о чудесахъ переводились у насъ даже съ отдѣльных листовъ, какъ напр. рассказъ о превращеніи одного немилостиваго господина въ страшнаго пса, въ Чешскомъ королевствѣ, близъ города Праги, въ 1673 г. ²⁾. Этотъ немилостивый господинъ обременилъ своихъ подданныхъ тяжелыми податями и между прочимъ одну вдову, оставшуюся послѣ мужа съ пятью сиротами. Все имущество ея состояло въ одной только коровѣ, необходимой для пропитанія малятокъ, и ту она должна была отдать господину въ уплату за подати. Напрасно она просила господина сжаловаться надъ ней и сиротами и не брать коровы. Господинъ отвѣчалъ на ея просьбы: «не могу видѣти ихъ, яко псовъ нагихъ, дондеже воздадутъ положенныя дани» и велѣлъ отогнать корову вдовы въ свой хлѣвъ. Послѣ этого у немилосерднаго господина въ теченіи трехъ дней пало 60 головъ скота. Но вмѣсто того, чтобы смириться предъ карающимъ его Богомъ и покаяться въ своемъ грѣхѣ, немилостивый господинъ сталъ хулить имя Божіе, какъ бы въ отмщеніе Богу стрѣлять на небо, и рѣшился отмстить вдовѣ, какъ виновницѣ непосланнаго на него наказанія Божія, и «кормити ея съ дѣтьми, яко псовъ, тою мертвечиною, и безстыдно рече: не поможетъ ей Богъ. И нынѣ зри судъ Божій! Въ томъ же часу погубилъ все чувство свое и человѣческій образъ; раздравъ одежду свою, обращается въ чернаго мохнатаго пса, кромѣ главы. Нынѣ же возять его въ рѣшетчатомъ возу, и приставленъ жи-
водеръ, и кормить его тою мертвечиною, и иного не естъ» ³⁾).

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., №№ о. 8 и о. 8. 69.

²⁾ Историч. очерки..., Буслаева, II, 34—35.

³⁾ Рукоп. Кіев. Акад., I^а о. 4^о, 31, л. 76—77.

Но изъ всѣхъ религіозныхъ сказаній и сборниковъ ихъ западнаго происхожденія едва ли не самое большее распространеніе въ русской литературѣ и вліяніе на нее имѣлъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ «Звѣзды Пресвѣтлыя». Онъ два раза переведенъ¹⁾ былъ въ XVII в. съ бѣлорусскаго нарѣчія на русскій языкъ, въ 1668 и 1683 году; списки его довольно распространены и отдѣльные рассказы изъ него часто встрѣчаются въ сгруппированныхъ рукописяхъ²⁾ и имѣли вліяніе на составленіе подобныхъ рассказовъ туземнаго происхожденія. Мы отчасти передавали содержаніе этого сборника, когда говорили о вліяніи западно-европейской литературы на южно-русскую; остается сказать о литературномъ значеніи его въ сѣверной Россіи. По словамъ Галахова, при одномъ переводѣ этого сборника къ 15 главамъ подлинника прибавлены три, а при другомъ переводѣ прибавлена лишняя 16 глава, содержащая повѣсть о чудесахъ, которыхъ въ подлинникѣ нѣтъ³⁾. Въ рукописи Кіевской Академіи сборникъ состоитъ изъ 15 главъ, изъ коихъ послѣдняя, очевидно, не принадлежитъ подлиннику и прибавлена переводчикомъ или переписчикомъ. Она заключаетъ въ себѣ рассказы о чудесахъ, составленные или выбранные изъ другихъ книгъ по подражанію подлиннику и отличающіеся его характеромъ и духомъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ, касающіеся русской исторіи и жизни! «Въ Новогоржскомъ уѣздѣ пустыни есть, нарицаемая Каменска и въ той пустыни церковь Пресв. Богородицы. Во время-жъ разоренія московскаго отъ безбожныхъ ляховъ пашествіе бысть и на сію пустыню, въ ней же токмо живый инокъ единъ и пресвитеръ. Ляхъ же нѣкій прииде въ церковь Пресв. Богородицы, ведый съ собою жену нѣкую отъ плѣна рускаго. Пресвитеръ же церкви

¹⁾ Въ рукоп. сборникахъ Кіев. Академіи рассказы изъ «Звѣзды Пресвѣтлыя» встрѣчаются въ №№ о. л. 48; о. л. 51 и др.

²⁾ Истор. р. слов., Галахова, т. I, стр. 93.

тоя, видя сіе, убоися ляха, бѣжа во алтарь и скрыся во святую трапезу, яко же самъ о себѣ послѣди повѣствова. Той же окаянный безбожный ляхъ вниде со дерзновеніемъ во святыи алтарь и дерзнувъ сняти со престола образъ Пресв. Богородицы и изнесе изъ олтаря въ церковь, поверже на землю и богомерзкое свое проклятое безстудное дѣло съ женою оною на образѣ томъ содѣя». Видя это, пресвитеръ умильно слезы испустилъ и, обращаясь къ Богоматери, говорилъ, — зачѣмъ она попустила осквернить ляху святую церковь свою и не погубила его. Тогда послѣдовалъ гласъ отъ образа Богоматери къ пресвитеру, вѣщающій, что ляхъ, за своя дѣянія злѣ погибнетъ», но что и самъ пресвитеръ, если не покается и не исправится, подвергнется такой-же участи за то, что безстрашно приходитъ въ церковь, безбоязненно приступаетъ къ жертвеннику, вечеромъ упивается до пняпа, а поутру служить св. литургію. Послѣ этого ляхъ, «гонимъ силою Божією, отбѣже, пресвитеръ же возста, во благихъ поживе вся дни живота своего». Въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Мокромъ, одна женщина «въ недѣлю творяше орудіе нѣкое», и внезапно явилась ей Пресв. Богородица и за непочитаніе недѣльнаго дня наказала ее тѣмъ, что «отъяся нога ея, пригнуся къ самому сѣдалищу ея, и тако два лѣта бысть, не могій ходити». Мужъ же отправился въ Москву хлопотать о разводѣ, такъ какъ невозможно было жить съ ней по закону. Между тѣмъ въ третіе лѣто снова явилась Пресв. Богородица помянутой женѣ во снѣ и возвратила ей здравіе. Подобный случай былъ въ Коширскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тектановѣ. Одна женщина молола въ воскресенье муку и получила падучую болѣзнь: жерновъ ударилъ ее о землю, и правая рука ея пригнулась къ плечу. Въ этой болѣзни она пребыла около года и получила исцѣленіе по милосердію Пресв. Богородицы, повелѣвшей ей, для полученія здравія, идти въ церковь и сотворить молебныя пѣнія. Въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Петровской, мальчикъ 12-ти лѣтъ пась

скотину. Ему явилась Пресв. Богородица, украшенная златыми одеждами и съ пресвѣтлымъ вѣнцомъ на главѣ. Она вышла отъ нѣкоего куста, осѣненного облакомъ, и, вышедши изъ облака, призвала къ себѣ отрока, связала ему руки назадъ и сказала: иди скажи отцу своему, что гнѣвъ великій отъ Бога имѣеть постигнуть васъ всѣхъ; ибо Онъ хочетъ погубить васъ огненнымъ градомъ за умноженіе беззаконій. Но Я просила за васъ, и Онъ отвратилъ праведный гнѣвъ свой. «О семъ бо и явленіе вамъ бысть, иже здѣ близъ васъ пастуха громомъ уби, и животину многую поби въ наказаніе, дабы покаялися отъ грѣховъ и злыхъ человѣкъ житію и богатству ихъ временному не завидѣли, да не злѣ постраждете, яко и братъ вашъ Тимошей Паневинъ, иже и доселѣ муку терпитъ во адѣ». Отрокъ разсказалъ отцу обо всемъ, что съ нимъ было, а, отецъ сего, слышавъ сіе, по многимъ мѣстамъ хождаше съ нимъ, чудо сіе возвѣщая» ¹⁾.

Въ другой рукописи, заключающей отдѣльные разсказы изъ сборника «Звѣзды Пресвѣтлыя», записано восемь чудесъ, по видимому относящихся къ первой половинѣ XVII в., но подновленныхъ раскольниковскою рукою, которые, по всей вѣроятности, составлены по подражанію Пресвѣтлымъ Звѣздамъ. Для образца приведемъ два изъ этихъ разсказовъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ, на р. Двинѣ, на красномъ бору, поставленъ былъ въ 1629 году и освященъ храмъ во имя Нерукотвореннаго образа Спасова, по стоялъ пустымъ до 1632 года. Въ этомъ же году совершилось чудо отъ Нерукотвореннаго образа. Одной просфирѣ изъ Лебелебской волости, по имени Варварѣ, былъ гласъ отъ Нерукотвореннаго образа, повелѣвающій ей встать, и возвѣститъ народу и священникамъ, чтобы съѣзжались священники со иконами и свѣщами и съ клиросомъ на красный боръ къ всемілостивому Спасу и молились Богу и Пречистой Богородицѣ, и калялись отцамъ

¹⁾ «Звѣзды Пресвѣтлыя», рукоп. Киев. Акад. № о. 4", 46 и 15.

своимъ духовнымъ по часту. Въ томъ же уѣздѣ въ 1641 году совершилось другое чудо. Одинъ человѣкъ, по имени Борисъ Дубьяновъ, идя дорогою, впалъ въ разслабленіе и лежалъ какъ мертвый. Когда въ этомъ недугѣ онъ хотѣлъ перелѣзть чрезъ огородъ и занесъ черезъ него одну ногу, въ то время правая нога его прильпнула къ колу, онъ пришелъ въ изступленіе ума и увидѣлъ Нерукотворенный Спасовъ образъ. «что на нижномъ Устюгѣ во храмѣ Пресв. Богородицы честнаго и славнаго Ея усненія на стягу написанъ». По повелѣнію гласа, нешедшаго отъ образа, Борисъ началъ молиться этому образу и сталъ здоровъ, какъ и прежде. Тогда всемилостивый Спасъ сказалъ Борису, чтобы онъ шелъ и возвѣстять о видѣніи своемъ церковному старостѣ Никифору Евфиміеву и велѣлъ ему пѣть молебны со звономъ, собравшись со всемъ народомъ, «а послѣ того мірскаго молебнаго пѣнія пой себѣ собинной молебенъ». Если же, христіане не станутъ молиться всемилостивому Спасу и не повѣрятъ сему видѣнію, то и веера не будетъ съ того дни Нерукотвореннаго образа до Семеа дни лѣтопроводца, и будетъ мразъ, потыи. «Еще бы выпа не держали подъ церковію, велѣли бы вынести вонъ, и отъ табаку бы счюнились; а кто табакъ пьетъ проклятой, съ таковыми всемилостивый Спасъ не велитъ ни ясти, ни пити, ни съ таковыми знаѣси» ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ — тотъ же духъ и характеръ, какой и въ разсказахъ Пресвѣтлыхъ звѣздъ. Между русскими повѣстями религіозно-суевѣрнаго характера есть и такія, которыя даже въ нѣкоторыхъ подробностяхъ сходны съ такими же разсказами Пресвѣтлыхъ звѣздъ, какъ напр. повѣсти о бѣсповатон женѣ Соломонѣ, о купцѣ Θεодосіѣ и сынѣ его Іоаннѣ и о Саввѣ

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., л. 48, л. 32—33. Разсказъ изъ Звѣздъ Пресвѣтлыхъ на л. 85—86; см. «Звѣзды Пресвѣтлыя», въ рукоп. Кіевск. Акад., л. 47, 46 гл. 3, чудо 3, л. 21—23.

Грудцынѣ. Въ Звѣздахъ Пресвѣтлыхъ разсказывается объ одной женщинѣ, которая, вышедши замужъ за одного человѣка изъ невѣрнаго семейства, вскорѣ получила тяжкую болѣзнь отъ нечистаго духа и обнаруживала такую необычайную силу, что ее едва могли сдерживать два-три человѣка. Отъ этой болѣзни избавилъ ее отецъ, изгнавъ изъ нея бѣса возложеніемъ «лѣствицы» на шею дочери ¹⁾. Въ нашей повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи разсказывается, что въ нее вошелъ бѣсъ на девятый день послѣ брака, и «приде на нее трясеніе и великій, лютый ознобъ, и въ третій день она очути у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во изступленіи ума отъ живущаго въ ней демона». Чтобы Соломонія могла избавиться отъ злыхъ духовъ, ей было сказано: «и ты у нихъ не яждь, не пей и ничто же не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ» ²⁾. Далѣе, въ Звѣздахъ Пресвѣтлыхъ разсказывается объ одномъ человѣкѣ, который, растративъ свое имущество и обнищавъ, для избавленія отъ нищеты отрекся отъ христіанской вѣры и св. крещенія, самовольно предался діаволу и далъ ему рукописаніе, написанное своею кровію и рукою. Онъ избавился отъ діавола молитвою къ Богоматери и хожденіемъ по св. мѣстамъ. Когда онъ однажды молился предъ образомъ Богоматери, отъ образа Богоматери, отъ руки Ея, упало рукописаніе, которое онъ далъ сатанѣ ³⁾. Тотъ-же мотивъ отреченія отъ Христа, преданія себя діаволу и избавленія отъ него встрѣчается въ двухъ нашихъ повѣстяхъ о купцѣ Θεодосіѣ и сынѣ его Іоаннѣ и о Саввѣ Грудцынѣ. Былъ одинъ весьма богатый человѣкъ, передаетъ первая повѣсть, имѣвшій единственнаго сына, именемъ Іоанна. Когда

¹⁾ «Звѣзды Пресвѣтлыя», рукоп. Кіев. Акад., № о. 4^о. 46, гл. 4, чудо 8.

²⁾ Памятн. старин. русск. литер., I, 153—155.

³⁾ «Звѣзды Пресвѣтлыя», рукоп. Кіев. Акад., № о. 4^о, 46, глава 4, чудо 5.

его стала пристигать старость, то онъ призвалъ къ себѣ сына, благословилъ его, оставилъ ему все свое имущество и сталъ павлять его, чтобы онъ былъ милостивъ къ нищимъ, не пьянствовалъ, не водился съ кабацкими голами, и затѣмъ умеръ. Сынъ похоронилъ отца съ честію и послѣ погребенія пригласилъ къ себѣ священника съ причтомъ на обѣдъ: «кушали и вина напивались и прочими напитками забавлялись и принудили его молодца пить винца, и онъ чашу пилъ и потомъ напился до пьяна, и поа отпустилъ и самъ послѣ поа учалъ пить винца и поутру сталъ съ похмѣлья, пошолъ въ кабакъ и пр. Пьянство довело его до того, что онъ совершенно раззорился и, для поправленія своего состоянія, отдалъ свою душу сатанѣ, подъ ролиску. «Сатана учалъ его молодца наказывать: ты будешь на степени,—креста на воротѣ не держи, въ церковь не ходи и молитвы не твори, къ попу на исповѣдь не ходи; а ежели ты пожелаешь жениться, то вѣнчайся въ церкви; а я тебе все исполню и раба своего во услуженіе тебѣ дамъ». Благодаря сатанѣ, молодець разбогатѣлъ пуше ирежняго и женился на дочери богатаго купца. Молодая жена скоро замѣтила, что мужъ ея въ церковь не ходитъ, и креста на себѣ не носитъ, и дома Богу не молится и, вывѣдавъ у него, что онъ отдалъ себя сатанѣ,—«зааминила» лавки, сараи и пр., чтобы не могъ ходить туда даанный мужу сатаной слуга, и наконецъ стала упрашивать его, чтобы онъ возвратился отъ сатаны къ Господу. Мужъ согласился и пошли они оба къ Антонію Великому Новгородскому, а вмѣстѣ съ ними пошелъ и сатанинскій слуга. Когда молодець, сталъ ставать по ступенямъ и ступень ступилъ, слуга, ухвата молодца за руку, потащилъ было его назадъ, и только «повелѣніемъ Божиимъ» не могъ стащить. Великій Антоній велѣлъ запереть молодца въ церкви на ночь. «И бысть въ ней страхъ велий: пришли демоны и наводили различные страхованія на каившагося молодца, но съ пѣніемъ пѣтуховъ пропали. Огрокъ остался цѣлъ

и невредимъ и провель въ церкви вторую и третью ночь. Черезъ три ночи, послѣ литургіи «пришелъ самъ сатапа и учалъ его къ себѣ брать и самъ глаголя, что я его не призывалъ, — онъ самъ ко мнѣ пришелъ и занисъ мнѣ далъ своею рукою». Но эта записъ оказалась въ рукахъ Антонія. Великій Антоній передалъ ее молодцу, «благословилъ его молиться и приказалъ, чтобы имѣніе во треть себѣ, а другую въ монастырь, а третію треть нищимъ, и отпусти его съ радостію великою» ¹⁾).

Предметъ новѣсти о Саввѣ Грудцынѣ составляетъ также судьба юноши, Саввы, попавшаго во власть бѣса, которому онъ далъ на себя записъ, и потомъ чудеснымъ образомъ освобожденнаго отъ гибели. Отецъ его Устюжскій купецъ Тома, отправляясь въ Персидѹ и желая приучить сына къ торговымъ дѣламъ, поручаетъ ему ѣхать къ Соли Камской. Савва отправился и оставился въ Усольскомъ градѣ Орлѣ у стариннаго пріятеля отца своего, «прослытіемъ Бажена Второго». Здѣсь завязывается у него любовная интрига, которая сначала шла удачно, но потомъ, послѣ одной размолвки между Саввой и предметомъ его страсти, женой Бажена Второго, онъ принужденъ былъ оставить домъ Бажена. Юноша былъ однако «напоенъ отравнымъ зеліемъ», отчего «сначать яко цѣкіи огнь горѣти въ сердцѣ его»; словомъ, онъ былъ привороженъ къ своей любезной и нигдѣ не находилъ

¹⁾ Рукоп. Киев. Акад. о. 4^о, 52. На тетради слѣдующая надпись: «Сия тетрадь Лодейнопольскаго уезда, Пиркинскаго погоста, ведомства экономическаго, Ядѣбской волости нищика земскаго Ивана Кирилова. Писалъ самъ своею рукою неложно лета отъ Адама 7299, отъ Христа 1791 года.., Марта 1-го дня» —Заключеніе въ церковь для покаянія, сопровождаемое бѣсовскими искушеніями, мы видѣли въ рукописи «Наука на кусы», когда говорили о влияніи западно-европейской литературы на южно-русскую —Подобную новѣсть о Евладіѣ см. въ Памяти старин. русск. литер., вып. I, стр. 191 примѣч. къ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ; см. прологъ, подъ 2-мъ числомъ января.—Нѣкоторые мотивы встрѣчаются въ народныхъ сказкахъ, Рудч., II, 21.

покою. Въ это время начинаются сношенія его съ бѣсомъ, который обѣщалъ ничего не подозрѣвавшему Саввѣ поправить его дѣла, если только онъ дастъ ему рукописаніе. Едва умѣя грамотѣ, Савва написалъ требуемое условіе и, не понимая самъ въ чемъ дѣло, отдалъ себя въ руки бѣса, который исполнилъ его желанія и, чтобы окончательно уловить юношу, представилъ его своимъ темнымъ властямъ. Между тѣмъ Ома, воротившись домой, услышалъ о безпорядочной жизни сына и, не имѣя отъ него никакихъ вѣстей, отправился его отыскивать. Савва, по совѣту своего новаго служителя, идетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Шую, поступаетъ въ солдаты и пріобрѣтаетъ любовь полковника иноземца, который училъ новобранцевъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ посылалъ тогда войско подъ Смоленскъ; туда идетъ и Савва и, при помощи бѣса, оказываетъ удивительную храбрость, побѣдивъ на поединкахъ трехъ польскихъ богатырей. Бояринъ Шеинъ слышалъ о его подвигахъ, призвалъ къ себѣ и, узнавъ его происхожденіе, велѣлъ воротиться къ отцу: Шеинъ зналъ Оому Грудцына и подозрѣвалъ что то недоброе въ поступкахъ Саввы. Въ Москвѣ бояринъ Стрешневъ, до котораго дошла молва о подвигахъ Саввы подъ Смоленскомъ, приглашаетъ юношу въ свою службу... Но вскорѣ Савва сдѣлался отчаянно боленъ и тогда только понялъ свое страшное положеніе. Послѣ долгихъ страданій, подвергавшихъ опасности его жизнь, онъ спасается отъ смерти и отъ власти бѣса. Однажды, когда его принесли больного въ церковь, во время херувимской пѣсни рукописаніе его пало сверху церкви предъ образомъ пресвятой Богородицы. Конецъ жизни Саввы отличался благочестіемъ и добрыми дѣлами ¹⁾).

Вотъ кругъ религіозныхъ сказаній и повѣстей, ходившихъ

¹⁾ Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, Пыпина, стр. 278—280; памяти. старорус. литер. вып. 1, стр. 191 и др. Исторія р. слов., Галахова, т. I, стр. 284—285. Экземпляръ этой повѣсти находится также въ рукопис. Кіев. Акад., № о. л. 48, л. 49—61.

и сложившихся въ Московскомъ государствѣ подъ вліяніемъ западно-европейской литературы! Но онъ не характеризовалъ бы собою всего того западнаго вліянія, какому подвергалась Московская Русь; потому что тѣже или подобные сборники и рассказы извѣстны были и на югѣ Россіи. Важную отличительную черту западнаго вліянія на сѣверную Русь, по нашему мнѣнію, составляетъ именно то обстоятельство, что отъ «религіозныхъ повѣстей и рассказовъ, появившихся подъ вліяніемъ запада, Московскіе книжники перешли къ литературнымъ заимствованіямъ и подражаніямъ свѣтскаго направленія, соотвѣтствовавшаго ихъ дѣловому, практическому характеру, тогда какъ на югѣ Россіи всѣ почти литературныя заимствованія съ запада исключительно вращались въ религіозной области.

Уже въ самомъ выборѣ переводныхъ западныхъ повѣстей и рассказовъ религіознаго характера проглядываетъ иногда практической, житейскій интересъ, лежащій въ ихъ основѣ. Одни изъ этихъ рассказовъ, какъ напримѣръ рассказъ Великаго Зеркала о мученіяхъ грѣшницы, имѣютъ въ виду обличеніе суетности женщинъ и ихъ любви къ нарядамъ; другіе, напримѣръ рассказъ «о еже честь воздавати родителемъ и не презирати ихъ», служатъ развитіемъ любимой темы современнаго русскаго писателя Островскаго «не въ свои сани не садись», такъ какъ все зло приписывается неравному браку сына богатаго человѣка на дочери знатнаго человѣка; иные рассказы изображаютъ неправильныя, жестокія отношенія высшихъ классовъ къ низшимъ поработченнымъ, какъ напримѣръ рассказъ объ обращеніи немилосердаго господина во пса, и пр. Были даже въ переводныхъ западныхъ сборникахъ и рассказы чисто свѣтскаго характера, каковъ напримѣръ приведенный нами «прикладъ о лести діавольстей». Но важнѣе всего то, что сборники и отдѣльные рассказы религіознаго характера могли подать поводъ къ переводу чисто свѣтскихъ сборниковъ и рассказовъ. Мы говорили уже, что въ составъ сборниковъ религіознаго харак-

тера, какъ напимѣрь Дѣяній римскихъ, Зерцала великаго, Звѣздъ пресвѣтлыхъ и т. п. входили измѣненные рассказы изъ римской и восточной литературы, народныхъ сказки и проч. Поэтому отъ перевода этихъ сборниковъ далеко былъ переходъ къ переводу тѣхъ источниковъ, на основаніи коихъ они составлены были. Дѣйствительно, въ древней сѣверной Россіи мы встрѣчаемъ переводы литературныхъ произведеній восточной и римской исторіи, перешедшихъ къ намъ съ запада, а также отрывки изъ историческихкихъ преданій и эпическихкихъ сказаній новоевропейскихъ народовъ, и позднѣйшую обработку восточныхъ и западныхъ народныхъ преданій въ веселомъ духѣ. Всѣ эти произведенія, будучи свѣтскаго характера, породили собою цѣлый рядъ подражательныхъ русскихъ произведеній.

Къ повѣстямъ и рассказамъ восточнаго и римскаго происхожденія, перешедшимъ къ намъ черезъ западную Европу, относятся: Троянская исторія, Эзоповы басни, Гюлистанъ и Бестанъ и басни Локмана. Всѣ эти сочиненія тѣмъ удобнѣе могли явиться въ Россіи, что онѣ имѣли здѣсь своихъ предшественниковъ, какъ напимѣрь Троянская исторія, перешедшая къ намъ еще ранѣе изъ Греціи черезъ южныхъ славянъ.

Троянская исторія западнаго происхожденія въ подлинникѣ принадлежитъ Гвидону-де-Колумпа. Гвидонъ де-Колумпа или Колонна былъ родомъ изъ Мессины; въ 1262—1272 г. онъ предпринялъ свой трудъ по просьбѣ архіепископа Салернскаго и окончилъ его въ 1287 году. Сочиненіе въ большей части манускриптовъ называется *Historia de bello Trojano* и начинается съ похода аргонавтовъ и перваго разрушенія Лаомедотова города Язономъ и Геркулесомъ. Новая Троя, основанная Пріамомъ, была осаждаема 10 лѣтъ и наконецъ предана Антепоромъ и Энеемъ, которые указали грекамъ средство ввести въ городъ роковаго коня; затѣмъ рассказаны приключенія греческихъ героевъ по возвращеніи изъ подлѣ Трои. Гвидонъ пользовался исключительно Даретомъ и Диктисомъ,

какъ очевидцами якобы и несомнѣнными историками Троянской осады; но тѣмъ не менѣе у него Троянская война получила колоритъ романтическій: Ахиллесъ и Гекторъ изображены совершенными паладинами; Иліонскія стѣны построены изъ мрамора, и дворецъ Пріама великолѣпенъ, какъ волшебные замки рыцарскихъ романовъ. Эта Гвидонова исторія переведена была въ XVII в. и на русскій языкъ, вѣроятно, съ польскаго, въ 1709 году была вновь переведена и издана и послѣ того имѣла множество изданій, свидѣтельствующихъ о ея популярности ¹⁾.

Въ XVII в. явился у насъ въ Россіи переводъ Эзоповыхъ басенъ. Еще въ 1637 г. богоявленскій игуменъ Ілія и священникъ Григорій обнаружили свое знакомство съ Эзоповыми баснями въ спорѣ съ Лаврентіемъ Зизаніемъ: «Другую притчу, замѣчали они Зизанію, ты сказалъ о человѣкѣ: душа и плоть какъ орелъ со свиньею связаны... Мнится намъ, тѣ простые прилоги (пришты) взяты изъ книгъ Езопа, франкскаго мудреца, баснослagателя» ²⁾. Но собственно переводъ относится къ 1675 году. Въ концѣ первой книги его находится слѣдующая замѣтка: «183 (1675 г.) мая въ... переведена сія книга Езопъ французской въ Сибирскую, а переводчикъ сибирской рохмистръ Петръ Кашинской» и проч. Нашъ переводчикъ составилъ свой трудъ по польскому изданію одной изъ новѣйшихъ редакцій басенъ Эзоповыхъ, подъ заглавіемъ: *Fabuly Aezorowe abo przurorowiesei* и проч. Книга состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой заключаются притчи о крестьянинѣ и ужю, о вепрѣ дикомъ и о ослѣ, о мыши деревенской и градской, о орлѣ и воронѣ и т. д. Во второй идутъ притчи о двухъ жабахъ, о пѣтуху со псомъ; о ужю, о льву и о медвѣдѣ и проч.; въ третьей о мыши (съ) сундукомъ, о крестьянинѣ и о хлѣбѣ, о ястребѣ з голубемъ, о человѣку бродящемъ

¹⁾ Учен. зап. Ак. и. IV, стр. 57—62.

²⁾ Ист. р. слов. Порфир., I, 490.

через воду и т. д. Въ царствованіе Петра Великаго Езопъ на русскомъ языкѣ появился еще два раза ¹⁾.

Въ связи съ Эзоповыми баснями стоитъ другое переводное сочиненіе: «Зрѣлище житія человѣческаго», какъ примѣненіе басенъ Эзопа къ условіямъ западно-европейской жизни. Заглавіе этой книги у насъ слѣдующее: «Зрѣлище житія человѣча, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ съ истинными къ тому приличными повѣстями, въ наученіе всякаго чина и сана человѣкомъ; новопреведено изъ нѣмецкаго языка всѣмъ во общую пользу трудолюбіемъ Андрея Андреева сына Вишуса въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лѣто воплощенія Бога слова 1674». Въ предисловіи сказано, что прежде тѣже притчи изданы были не такъ изрядно, какъ въ этотъ разъ, потому что теперь приложили «совершеннѣйшаго ради разумѣнія въ кѣйждо притчи отъ древнихъ лѣтописцовъ соглашующуюся предстоящей притчи повѣсть». Выставляя пользу книги, составитель говоритъ, что она необходима, особенно для молодыхъ людей, какъ прекрасное наставленіе. Всѣхъ басенъ въ рукописи 124. Сюжеты апологовъ большею частію, общеизвѣстны; кромѣ нравоученія, при басняхъ находятся и историческія свидѣтельства, взятые изъ классическихъ писателей, напримѣръ Геродота, Плутарха, Светонія, Флавія, Діона, или изъ *Gesta Romanorum* и средневѣковыхъ историковъ и лѣтописцевъ ²⁾.

Концу XVII столѣтія принадлежитъ также переводъ двухъ произведеній Саади и басенъ Локмана, сдѣланный съ нѣмецкаго. Въ немъ помѣщено Юрія Андерсена описаніе восточныхъ ѣзды и завоеванія Китая Татарами и Формозы китайскими разбойниками и далѣе *Крынной доли* Саади и басни Локмана. Заглавіе указываетъ вмѣстѣ и на происхожденіе перевода: «персичкой крынной

¹⁾ Учен. зап. Ак. н., IV, 172—174.

²⁾ Тамъ же, стр. 175—176; см. стр. 358.

долъ (т. е. знаменитый Гюлистанъ), въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторей, остроумные рѣчи, прибыльные ученіи, основательные статьи и притчи (также притомъ персического благоученного и славного Локмана склады и примѣры такожъ обрѣтаются); и описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Спихасадія, но персически описалось и для ево избранства и достоинства высоко почитаетца и возлюбляетца, и тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ переведена на нѣмецкой языкъ отъ славнаго издателя Адама Алиарія. Слѣдовательно прямымъ подлинникомъ нашего перевода было изданіе знаменитаго путешественника Олеарія. Гюлистанъ написанъ въ 1258 году; онъ состоитъ изъ 8 книгъ, раздѣленныхъ на главы; въ каждой находятся рассказы и анекдоты съ нравоучительными выводами и изреченіями, заимствованные или изъ исторіи, или изъ собственной жизни поэта. Такое же соединеніе рассказовъ и морали представляетъ Бестанъ, написанный въ 1266 году и переведенный у насъ изъ того же источника. Въ нашемъ переводчикѣ можно замѣтить неумѣнье совладѣть съ нѣмецкой фразой; для передачи мудреныхъ нѣмецкихъ словъ онъ сочинялъ даже новыя слова, большею частію не весьма удачныя. — Изъ того же сборника Олеарія взяты и басни Локмана, подъ заглавіемъ: «премудраго Локмана удивительные склады и примѣры». При большомъ сходствѣ съ Эзопомъ, басни Локмана имѣютъ и самостоятельные сюжеты, такъ что опредѣлить ихъ взаимное отношеніе очень трудно; число басенъ Локмана простирается теперь до 41; но въ старинныхъ переводахъ, между прочимъ въ нашемъ, извѣстны были только 37. Въ притчахъ или, какъ говоритъ иногда нашъ переводчикъ, «причинахъ» по большей части повторяются сюжеты самые общелѣзныя, напримѣръ о львѣ и о лисицѣ; о курицѣ, несшей золотыя яйца; о человѣкѣ, призывающемъ смерть; о кошкѣ и терпугѣ и т. д., — сюжеты, съ которыми мы знакомы и по баснѣ Крылова ¹⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 179.

Наконѣцъ, къ числу восточныхъ и античныхъ сказаній, извѣстныхъ въ древней Россіи, нужно отнести повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ или царѣ Антоніѣ и исторію о Аполлонѣ королѣ тирскомъ. — Потеря и находка двухъ сыновей, составляющія главный мотивъ первой повѣсти, извѣстны были еще въ классической древности. Комедія Плавта «Военнопленные» (*captivi*) изображаетъ находку двухъ потерянныхъ сыновей. Гегіонъ, богатый этоліецъ, потерялъ обоихъ сыновей своихъ Тиндара и Филополема. Первый еще въ младенчествѣ былъ похищенъ бѣглымъ рабомъ Гегіона Сталагномъ и проданъ въ рабство. Второй юноша во время войны между этолянами и элейцами, попадаетъ въ плѣнъ къ послѣднимъ. Старикъ отецъ покупаетъ поэтому цѣлую партію элидскихъ плѣнниковъ въ надеждѣ вымѣнять на кого нибудь изъ нихъ своего сына. Случилось такъ, что въ числѣ этихъ плѣнныхъ былъ и Тиндаръ, младшій сынъ Гегіона, со своимъ господиномъ Филократомъ. Этотъ Филократъ, помѣнявшись именемъ и одеждою со своимъ рабомъ, отправляется въ Элиду, оставляя Тиндара заложникомъ своей вѣрности. Гегіонъ скоро открылъ обманъ и хочетъ жестоко отмстить рабу, разрушившему своимъ благороднымъ самопожертвованіемъ всѣ его надежды на возвращеніе сына. Но честный Филократъ приводитъ изъ Элиды не только Филополема, но и Сталагна, который открываетъ, наконецъ, происхожденіе Тиндара, и счастливый отецъ находитъ обоихъ сыновей своихъ разомъ ¹⁾. Въ повѣсти о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ, кесарь Оттонъ или Октавіанъ удалилъ отъ себя и оставилъ на произволъ судьбы супругу свою, которую клевета обвиняла въ невѣрности. Несчастная мать съ двумя маленькими дѣтьми близнецами должна была идти, куда глаза глядятъ, и, заснувши въ лѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищенного обезьяной; а потомъ и другаго,

¹⁾ Истор. литер. древн и нов. міра, Милюк, 1, 234—3.

унесеннаго львицей. Впрочемъ, ни тотъ ни другой не погибъ: первый Флоренсъ былъ спасенъ однимъ воинкомъ, воспитанъ имъ и въ послѣдствіи, отличившись подвигами при нападеніи египетскаго султана на Францію, былъ торжественно посвященъ въ рыцари. Судьба втораго сына была оригинальнѣе: Когда львица унесла его, огромный грифъ схватилъ ее вмѣстѣ съ младенцемъ и опустилъ на далекомъ островѣ, гдѣ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось члѣть мимо этого острова. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Во время нашествія египетскаго Султана Ліонъ, названный такъ отъ похищенія львицею, успѣлъ освободить Флоренса и самого Октавіана, захваченныхъ непріятелемъ, и затѣмъ взялъ въ плѣнъ и египетскаго Султана. Слѣдуетъ общее свиданіе: Октавіанъ или Оттонъ узнаетъ дѣтей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ Ліонъ женится на дочери короля испанскаго и дѣлается его наслѣдникомъ, а Флоренсъ соединяется съ своей возлюбленной Маркебиллой, дочерью египетскаго султана, принявшей вмѣстѣ съ отцомъ христіанскую вѣру, и дѣлается королемъ англійскимъ. Русскій переводъ романа относится ко второй половинѣ XVII вѣка, и именно къ 1677 году, и сдѣланъ съ польскаго ¹⁾. Съ различными варіаціями эта повѣсть усердно переписывалась нашими старинными книжниками, подъ слѣдующими заглавіями: «Повѣсть отъ древнихъ лѣтописецъ. иже бысть въ палестинскихъ странахъ» ²⁾; «Повѣсть изъ древнихъ лѣтописцовъ о царѣ Антоніѣ и о матери его царицы Теоодулы и о женѣ его царицѣ же Аѳисаннѣ и о двухъ сынѣхъ его Астріологѣ и Діоскорѣ вельми полезна есть ³⁾.

Въ числѣ любимыхъ средневѣковыхъ романовъ была исторія о Аюллонѣ королѣ тирскомъ, принадлежащая къ циклу такъ

¹⁾ Учен. зап. Акад. н., IV, стр. 237—238

²⁾ Рукоп. Киев. Акад. о л. 48, л. 62—77

³⁾ Рукоп. Киев. Акад. о 8 п о 4° 95

называемыхъ античныхъ сказаній; у насъ эта повѣсть распространилась болѣе многихъ другихъ повѣстей. Она рассказываетъ любовь Аполлонія Тирскаго къ Тарсѣ дочери короля Антиоха Сирійскаго, и несчастныя приключенія Аполлонія, который женился потомъ на дочери другаго короля, потерялъ жену и дочь, долго странствовалъ, отыскивая ихъ, наконецъ нашелъ и ту и другую здоровыми и невредимыми и остатокъ своихъ дней провелъ благополучно ¹⁾.

Вѣроятно, по подражанію послѣднимъ двумъ повѣстямъ составлена была у южныхъ славянъ повѣсть «о царевнѣ Персикѣ, дщери царя Михаила Болгарскаго», перешедшая и къ намъ въ Россію. Въ повѣсти рассказывается, что извѣстный въ исторіи Болгарскій царь Михаилъ, женившись на дочери нѣкоего князя Александрѣ, имѣлъ отъ нея дочь Персику. На 13-мъ году Персика лишилась матери, и отецъ женился въ другой разъ на одной княжнѣ изъ фригійскихъ странъ, по имени Люціи. Злая мачиха завидовала красотѣ Персики и рѣшилась погубить ее. Случай скоро представился. Царь Михаилъ отправился вмѣстѣ съ королемъ «Пефлагонскимъ» Киромъ противъ враговъ своихъ, оставивъ дочь Персику на попеченіе Люціи, которая, осквернивъ супружеское ложе царя Михаила, оклеветала предъ нимъ свою падчерицу и наконецъ велѣла своему любовнику отвезти Персику въ отдаленныя пустыя мѣста и отрубить ей руки, а царю Михаилу написала, что дочь ея пропала безъ вѣсти. Лишенная рукъ, Персика оставлена была на границѣ королевства Пефлагонскаго, въ которомъ царствовалъ Киръ. Этотъ король имѣлъ сына Евгенія, который тогда только что окончилъ ученіе въ римскихъ училищахъ и возвратился домой. Съ позволенія матери своей Гликеріи, онъ отправился на охоту въ тотъ самый день, въ который Персика лишена рукъ и брошена въ пустынь, нашелъ ее, обвязалъ ея

¹⁾ Учен. зап. Акад. н. IV, стр. 241—243.

раны, привезъ домой, вылечилъ и, наконецъ, съ согласія своихъ родителей, женился на ней.—Между тѣмъ царь Михаилъ Болгарскій потребовалъ, чтобы всѣ подчиненные ему короли привели къ нему сыновей своихъ для испытанія. Въ числѣ ихъ долженъ былъ явиться и королевичъ Евгений. Царь Михаилъ удивился красотѣ и «ученію» королевича Евгения и усыновилъ его себѣ. Но въ то время, какъ Евгений находился при дворѣ Михаила, къ нему пришла вѣсть, что жена его родила ему двухъ сыновей. Царь Михаилъ и королевичъ Евгений были очень рады и написали письма къ Гликеріи, чтобы она всячески берегла Персику и ея сыновей, и отправили ихъ съ вѣстникомъ въ Пеллагонію. Но Люція, вторая жена Михаила Болгарскаго, употребила тотъ же пріемъ, какой мы видѣли въ повѣсти о Генрихѣ изъ Римскихъ Дѣяній; а именно хитростію взяла письмо у вѣстника и положила ему другое, въ которомъ отъ имени Кира и Евгения приказывалось королевѣ Гликеріи, чтобы она умертвила свою невѣстку съ дѣтьми ея. Но Гликерія не точно исполнила мнимое приказаніе своего мужа и сына: по совѣту дворецкаго она велѣла отправить Персику съ ея малютками—сыновьями въ ту пустыню, гдѣ нашелъ ее Евгений. Здѣсь Персика обратилась съ теплою молитвою къ Богородицѣ, которая возвратила ей и оживила отсѣченныя у ней руки. Получивъ возможность владѣть руками, Персика ходила по лѣсу, собирала пустынное зеліе и питалась имъ. Между тѣмъ король Киръ съ сыномъ своимъ Евгениемъ съ изумленіемъ и горестію узнали о всемъ происшедшемъ и хотѣли лишить себя жизни. Къ счастью, дворецкій сказалъ имъ, что Персика еще не убита, а только оставлена въ пустынѣ. Тогда Евгений беретъ коней, отправляется въ пустыню на поиски, находитъ здѣсь Персику здоровою и имѣющею руки и возвращается съ нею домой. Персика открываетъ, наконецъ, что она—дочь царя Михаила и дважды пострадала отъ своей мачихи Люціи. «Тогда царь Михаилъ вскорѣ повелѣ ю и со слугою ея привязати ко ошибѣ конскому и по стогнамъ града

влачили ихъ»; Евгений же сдѣлапъ былъ наслѣдникомъ Болгарскаго царства ¹⁾).

Но въ послѣднихъ повѣстяхъ не остается почти ничего классическаго, кромѣ пѣкоторыхъ собственныхъ именъ и названій мѣстностей. Посему эти повѣсти представляютъ изъ себя переходы отъ классическихъ къ средневѣковымъ извѣстнымъ въ древней Россіи повѣстямъ, къ которымъ мы и обращаемся.

Средневѣковыя повѣсти, извѣстныя у насъ въ древней Россіи, имѣютъ историческій и эпическій характеръ. Согласно съ практическимъ направленіемъ Московскихъ людей, сначала явились повѣсти историческаго характера. Къ числу ихъ прежде всего нужно отнести исторію о взятіи Царяграда турками, которая по всей вѣроятности сдѣлалась извѣстна въ древней Россіи прежде всего изъ разбираемаго Максимомъ Грекомъ сочиненія Николая Нѣмчина ²⁾. Затѣмъ, къ историческимъ повѣстямъ изъ средневѣковаго быта относится сказаніе о Дракулѣ, воеводѣ Мутѣнской земли ³⁾, составленное или переведенное какимъ либо переводчикомъ при русскомъ дворѣ изъ южныхъ славянъ и рано подвергшееся русской переработкѣ. Въ повѣсти о Дракулѣ между прочимъ разсказывается, какъ къ этому жестокому властителю приходятъ послы отъ турецкаго царя и, по своему обычаю, стоять въ шапкахъ. На вопросъ Дракулы, почему они причиняютъ ему такое оскорбленіе, они отвѣчали, что не скидаютъ шапокъ по обычаю своей страны. «Онъ же глагола имъ: «хочю и азъ вашего закона подтвердить, да крѣпле стоять. И повелѣ своимъ

¹⁾ Рукоп. Кіев Акад., о. л. 48, л. 77—85. Здѣсь она носитъ такое заглавіе: «чюдо пресвятыя Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дочери царя Михаила Болгарскаго». — Нѣкоторые мотивы повѣсти замѣчаются въ малорусской сказкѣ «Мачуха»; см. южнорусск. народ. сказки, Рудченко, вып. II, стр. 49 и друг.

²⁾ См. выше.

³⁾ Учен. зап. Ак. п., IV, стр. 215—218.

гвоздь железный взяти и колпаки къ главамъ ихъ прибавити». Подобное рассказывается и объ Иванѣ Грозномъ. Иванъ Васильевичъ велѣлъ будто бы одному французскому посланнику пригвоздить шляпу къ головѣ, какъ серьезно утверждаетъ Коллиньс, присовокупляя: Сиръ Иеронимъ Баусъ, который вскорѣ послѣ того прѣхалъ сюда въ качествѣ нашего (т. е. англійскаго) посланника, явился предъ царемъ въ шляпѣ, и будто бы Иванъ Васильевичъ съ гнѣвомъ спросилъ у него, знаетъ ли онъ, какъ наказанъ былъ французскій посланникъ ¹⁾.

Эти историческія преданія важны не столько сами по себѣ, сколько потому, что они проложили въ древней Россіи путь европейскимъ рыцарскимъ романамъ. Къ послѣднимъ относятся: исторія Бовы Королевича, исторія Мелюзины или книга о Мелюзинѣ, исторія о храбрѣмъ князѣ Петрѣ златыхъ ключахъ и о прекрасной королевѣ Магиленѣ Неаполитанской, повѣсть правдивая о княгинѣ Альдорфской, повѣсти объ Атылѣ королѣ Угорскомъ, о Василиѣ королевичѣ златовласомъ Чешскія земли и повѣсть умилительная о Брунцвигѣ, королевичѣ Чешскія земли.

Самымъ характернымъ представителемъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ у насъ въ старину, можно назвать исторію Бовы Королевича. Исторія эта, взятая изъ цикла сказаній о Карлѣ Великомъ, внесена въ средневѣковую поэму — хроникѣ «Королевичи Франціи» (*Reali di Francia*). Русскій переводъ, сдѣланный, вѣроятно, по итальянской редакціи, принялъ, отъ долгаго обращенія въ кругу грамотныхъ, складъ и подробности нашего народнаго эпоса. Собственныя имена подверглись перемѣнамъ по духу русскаго произношенія, но въ нихъ легко распознается итальянскій подлинникъ: Бова (*Buovo*), отецъ его Гвидонъ, жившій въ городѣ Антоновѣ (*Guidone d'Antona*), дядька Симбалда (*Sinibaldo*), король Додонъ (*Duodo*), графъ Суминь (*Sansimone*),

¹⁾ Историч. Очеркп, Буслаева, I, 514.

Ангусей, какъ назывался Бова въ армянскомъ царствѣ (Agostino), дочь армянскаго короля Дружневна (Drusiona), король Маркобрунъ (Masabruno), богатырь Лукоперъ (Lucoreggo), Полканъ богатырь (Puliscane). Важное доказательство старины нашей сказки представляютъ рукописи XVII в., излагающія ее въ такой отдѣланной формѣ, какую она могла получить только отъ сильнаго и продолжительнаго вліянія русской народности. Въ болѣе народныхъ спискахъ она отличается даже болѣе народнымъ складомъ, чѣмъ въ послѣдующихъ изданіяхъ, печатныхъ и лубочныхъ. Имя Бовы въ XVII в. было даже личнымъ именемъ ¹⁾.

Исторія Мелюзины или книга о Мелюзинѣ по содержанію относится къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ, или къ числу сказокъ о феяхъ. Мелюзина—фея, дочь волшебницы и сама волшебница, за непочтеніе къ отцу наказана была тѣмъ, что каждую субботу должна была превращаться въ змѣю, до тѣхъ поръ, пока не отыщется человѣкъ, который, не смотря на этотъ недостатокъ, согласился бы жениться на ней. На русскій языкъ она переведена съ польскаго въ 1677 году ²⁾.

Исторія о храбрѣмъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неаполитанской также относится къ числу сказаній объ эпохѣ Карла Великаго. Въ ней разсказывается судьба двухъ нѣжныхъ любовниковъ, Петра графа Прованскаго и Магелоны, у насъ называемой обыкновенно Магиле-ною, дочери короля Неаполитанскаго: разлученные несчастными обстоятельствами, они долго страдали, не имѣя другъ о другѣ никакой вѣсти; наконецъ, послѣ длинныхъ приключеній, снова увидѣлись. Не смотря на разлуку и бѣдствія, они не забывали другъ друга; наконецъ вѣрная любовь и благочестіе ихъ были награждены, и послѣ того Петръ Золотые Ключи и прекрасная

¹⁾ Учен. зап. Ак. п., IV, 244—248.

²⁾ Тамъ же, стр. 230—233.

Магелона жили долго и счастливо. На русскій языкъ эта повѣсть переведена съ польскаго въ XVII в. ¹⁾.

Повѣсть правдивая о княгинѣ Альдорфской имѣетъ цѣлю объяснить происхожденіе герба извѣстной фамиліи Гвельфовъ, «по предложеніи же выжлецовъ». Жена одного короля, осуждавшая свою очень плодovitую служанку, по разсказу повѣсти, наказана была рожденіемъ вдругъ 12-ти сыновей и рѣшилась погубить ихъ всѣхъ, кромѣ одного. Намѣреніе это было бы исполнено, если бы король или князь, возвращаясь домой, не встрѣтилъ женщину, которая хотѣла утопить дѣтей въ рѣкѣ, называя ихъ щенками (выжлецы). Отецъ узналъ дѣтей по крику, взялъ ихъ у женщины, отдалъ на воспитаніе и, когда они выросли, торжественно представилъ ихъ роднымъ своимъ и призналъ ихъ собственными дѣтьми. Мать ихъ изъявила раскаяніе и была прощена мужемъ ²⁾.

Что же касается повѣстей объ Атилѣ королѣ Угорскомъ и Василѣ королевичѣ златовласомъ Чешскія земли, то о нихъ сохранилось только свидѣтельство г. Снѣгирева, находившаго ихъ въ старыхъ сборникахъ, но сами онѣ пока не извѣстны въ русской литературѣ.

Первая изъ этихъ повѣстей представляетъ, по видимому, одно изъ тѣхъ сказаній объ Аттилѣ, которыя такъ извѣстны были въ средневѣковой Европѣ, и перешла къ намъ черезъ какую нибудь польскую передѣлку исторіи этого завоевателя ¹⁾. Аттила былъ однимъ изъ любимыхъ героевъ германскаго героическаго эпоса и представлялся именно королемъ Венгріи. Во второй части поэмы о Нибелунгахъ разсказывается о могущественномъ королѣ Гунновъ Этцелѣ (Аттилѣ), что онъ, наслышавшись о далеко из-

¹⁾ Тамъ же, стр. 233—236.

²⁾ Тамъ же, стр. 241.

³⁾ Тамъ же, стр. 223.

вѣстной славѣ Кримгильды, посватался за нее чрезъ пословъ. Потерявъ не задолго предъ тѣмъ своего мужа Зигфрида, убитаго Гагеномъ, она соглашается на предложеніе Этцеля, въ той мысли, что, сдѣлавшись супругою могущественнаго короля, скорѣе будетъ въ состояніи отмстить убійцамъ незабвеннаго для нея Зигфрида, чѣмъ въ своемъ безсильномъ вдовствѣ. Она ѣдетъ въ Венгрію и выходитъ за Этцеля замужъ. По прошествіи нѣкотораго времени она приглашаетъ своихъ братьевъ и ихъ женъ на празднество въ Венгрію, и Бургунды ѣдутъ на зовъ, не смотря на предостереженія Гагена. Но лишь только они прибыли ко двору Этцеля, они находятъ самый враждебный пріемъ отъ своей сестры: вскорѣ между ними и гуннами начинается страшное побоище, которое оканчивается погибелью всѣхъ Бургундовъ. Гагену, послѣдному изъ Бургундовъ, Кримгильда отрубаетъ голову собственноручно. Этимъ возмутилось сердце стараго Гильдебранда, который вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ Дитрихомъ подъ конецъ также сражался съ Бургундами. Раздраженный неукротимою мстительностію Кримгильды и видя гибель столь славныхъ мужей, онъ вынимаетъ мечъ и разсѣкаетъ королеву на мелкіе куски ¹⁾). Можетъ быть, наша повѣсть объ Атылѣ королѣ Угорскомъ заключаетъ въ себѣ отрывки изъ этой поэмы.

Повѣсть «о Висилѣ королевичѣ златовласомъ Чешскія земли», по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ чешскими мифическими преданіями о златовласомъ Дѣдѣ-Всевѣдѣ и королевнѣ Златовласкѣ. Чешская сказка подъ именемъ Дѣда-Всевѣда выводитъ солнце. Одинъ герой, посланный къ Дѣду-Всевѣду за тремя золотыми волосами, приходитъ въ золотой дворецъ. Тамъ встрѣтила его вѣщая старуха (судица) и сказала: Дѣдъ-Всевѣдъ есть мой сынъ—ясное солнце, поутру онъ бываетъ *rascholatkem*, въ полдень—мужемъ, а вечеромъ—старымъ дѣдомъ. Вечеромъ при-

¹⁾ Истор. всеобщ. литер., Шерро, перев. 1865 г., стр. 501.

летѣло въ свѣтлицу западнымъ окномъ солнце, въ видѣ стараго дѣда со златыми волосами; послѣ ужина склонило оно голову на колѣна къ матери и заснуло; поутру оно пробудилось красивымъ златовласымъ юношей, простилось съ матерью и вылетѣло восточнымъ окномъ ¹⁾. О косъ королевны Златовласки сказка выражается такъ: когда она спяла покровъ, то златые волоса упали густыми прядями съ головы на землю, и отъ нихъ сдѣлалось такъ свѣтло, какъ бываетъ тогда, когда поутру выходятъ солнце. До чего ни дотронется она рукою, тотчасъ все превращаетъ въ золото, т. е. все золотитъ яркими солнечными лучами ²⁾. По всей вѣроятности, и повѣсть «о Василиѣ королевичѣ златовласомъ Чешскія земли» носила на себѣ слѣды мифическихъ представлений солнцева сына, какъ видно изъ эпитета «златовласый». Въ такомъ случаѣ эта повѣсть должна имѣть близкое сходство съ другою повѣстью о Божьемъ крестникѣ, въ которой подъ именемъ Бога, очевидно, скрывается солнце. По словамъ этой повѣсти, одна бѣдная чета имѣла новорожденного сына, и некого было пригласить въ кумовья ему. Тогда самъ Богъ соблаговолилъ быть его воспріемникомъ, явившись въ видѣ богатаго вельможи, и однажды взялъ своего крестника къ себѣ на небо. Здѣсь отрокъ увидѣлъ «стѣны паче солнца сіяюще и отца своего крестнаго на престолѣ царствъ высоцѣ сѣдѣща пречюднѣ и преславнѣ зѣло, на главѣ же имуща вѣнецъ царскій, различными видами сіяющій, порфиру же на немъ цвѣтящую неизглаголанно, и жезлъ царскій въ руцѣ имуща предивенъ, и столу предстоящу, на немъ же сосуды сіяюще предивнѣ и питія и брашна благовонна имуща и невѣдома». Черезъ нѣсколько времени этотъ царь снялъ съ себя свои украшенія и вышелъ куда-то изъ палаты своей, оставивъ въ ней своего крестника. Тогда, побуждаемый любопыт-

¹⁾ Поэт.ч. возвр. Слав. на природу, Аван., 1, 180.

²⁾ Тамъ же, стр. 221,

ствомъ, крестникъ надѣлъ на себя царскія украшенія и сѣлъ на престолъ. Къ удивленію своему онъ увидѣлъ все, что дѣлается на землѣ: въ одномъ мѣстѣ воры подкапывались подъ церковную стѣну, въ другомъ мѣстѣ разбойники хотѣли напасть на одинъ монастырь и плѣнить его иноковъ, въ третьемъ братъ хотѣлъ убить своего брата. Юноша не удержался отъ того, чтобы не сдѣлать своихъ замѣчаній по поводу этихъ злодѣяній. Жалѣя о церковной утвари, которую хотѣли похитить воры, онъ сказалъ, «дабы тѣхъ злодѣевъ стѣною придавило, и слово его дѣло бысть, и придавлени быша». Вообще въ точности исполнялось все то, что онъ ни говорилъ.—Наконецъ возвратился царь, сѣлъ на престолъ свой и увидѣлъ все то, что надѣлалъ на землѣ отрокъ. Жалѣя о погибели людей, онъ послалъ своего крестника опять на землю къ его родителямъ и далъ ему три прекрасныя, благо-вонныя яблока, отъ которыхъ истекало исцѣленіе всѣмъ недугующимъ ¹⁾.—По мнѣнію г. Пыпина, повѣсть о Василиѣ королевичѣ перешла къ намъ изъ польской или прямо изъ чешской литературы и по сюжету принадлежитъ къ тому же разряду повѣстей, какъ и романъ о чешскомъ героѣ Брунцвикѣ ²⁾.

«Повѣсть умилительная о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли, и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходилъ въ поморскихъ отоцѣхъ, и какъ храбростію своею выслужилъ себѣ звѣря льва и примирилъ себѣ, и како побѣдилъ страшнаго дракона, змія-василиска» не была самостоятельнымъ и національнымъ произведеніемъ чешской литературы и относится уже къ тому времени, когда чисто національный эпосъ уступилъ первенство романтическому вліянію запад. литературъ, особливо нѣмецкой. Интересъ ея держится какъ на чрезвычайныхъ приключе-

¹⁾ Рукоп. Кіев. Ак. о. л. 48, л. 41—49: «Повѣсть отъ Палестинскихъ кронникъ, отъ древнихъ отецъ, добродѣтельное иноческое житіе проходящихъ списана».

²⁾ Учен. зап. Ак. н., IV, стр. 223.

ніяхъ герон, который подъ конецъ торжествуетъ надъ ними, такъ и на описанныхъ въ ней дивахъ природы, которыя напоминаютъ чудовищныхъ людей и животныхъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ: двухъ горахъ—Магнитной и Карбункуловой, мечъ-кладенецъ, птицъ Ногъ (грифъ), девятиглавомъ василискъ, львъ, спасенномъ королевичемъ и ставшемъ благодарнымъ ему помощникомъ, морскихъ чудовищахъ, царѣ Алимбрусъ съ глазами впереди и назадъ, окруженномъ чудовищной свитой. Повѣсть переведена, вѣроятно, прямо съ чешскаго подлинника и, конечно, нравилась русскимъ читателямъ; потому что въ фантастическихъ похожденияхъ героя были общія черты съ вымыслами народныхъ нашихъ сказокъ и преданій. Вѣроятно отсюда перешли въ наши народныя рассказы: мечъ-кладенецъ и Ногъ птица (Ногай), упоминаемые въ повѣсти ¹⁾.

Кромѣ того, въ Московской Руси извѣстны были позднѣйшія передѣлки восточныхъ и западныхъ преданій въ веселомъ духѣ. Сюда относятся: Исторія о семи мудрецахъ, Апофеегмата, Смѣющийся Демокритусъ, Смѣхотворныя повѣсти, фацеции и жарты польскія, о злобѣ женской, забавные часы Людвига Гваціардина и проч.—

Повѣсть о семи мудрецахъ имѣетъ начало свое въ индійской литературѣ и получила обработку свою на западѣ въ XIII и XIV в. ²⁾, а къ намъ перешла, вѣроятно, черезъ Польшу. Повѣсть о семи мудрецахъ представляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ новеллъ, соединенныхъ однимъ обстоятельствомъ главнаго сюжета. Одинъ король отдалъ своего сына на воспитаніе семи мудрецамъ, которые должны были научить его всякой премудрости. Между тѣмъ король, потерявъ первую супругу, женился во второй разъ. Лукавая мачиха ищетъ средствъ погубить королевича,

¹⁾ Тамъ же, стр. 223—228.

²⁾ Истор. всеобщ. литер., Шерра, перев. 1863 г., стр. 144, 242 и 497.

чтобы доставить престолъ своимъ дѣтямъ, и просить короля призвать ко двору своего сына, уже кончившаго образованіе. Мудрецы посредствомъ астрологическихъ знаній своихъ увидѣли, что королевичъ будетъ нѣмъ въ продолженіи первыхъ семи дней по пріѣздѣ ко отцу, и что отъ того угрожаетъ ему большая опасность; но дѣлать было нечего, и они отправились. Король съ радостію встрѣтилъ сына, но королевичъ вдругъ сталъ нѣмъ, не отвѣтивъ отцу ни однимъ словомъ. Мачиха воспользовалась этимъ и, раздраженная отказомъ королевича исполнить ея желанія, рѣшилась отомстить и оклеветала его предъ королемъ, и въ подкрѣпленіе своихъ словъ рассказываетъ апологъ, гдѣ доказывается, что не пужно щадить дурнаго дерева, которое можетъ только повредить хорошимъ. Король во гнѣвъ велитъ казнить сына: гибель неизбѣжна, потому что онъ не можетъ высказать своихъ оправданій. Спасителями его являются семь мудрецовъ. Когда королевичъ былъ уже на мѣстѣ казни, первый изъ нихъ проситъ палачей подождать, идетъ къ царю и рассказываетъ ему повѣсть или притчу, гдѣ обнаруживается весь вредъ поспѣшности и довѣрія къ женщинамъ; увлеченный рассказомъ, король откладываетъ казнь. Тогда опять является на сцену мачиха и рассказываетъ новую повѣсть съ той моралью, что не должно поддаваться лживымъ словамъ придворныхъ совѣтниковъ, которые часто бываютъ причиною всякаго зла королямъ и государствамъ. Такъ идетъ въ теченіе семи дней: каждый разъ мачиха приводитъ короля къ пагубному рѣшенію и каждый разъ мудрецы отклоняютъ опасность. Наконецъ королевичъ снова начинаетъ говорить: онъ легко оправдывается отъ взведенной на него клеветы и напротивъ, выставляетъ наружу всѣ пороки мачихи, которая терпитъ должное наказаніе; въ заключеніе королевичъ рассказываетъ еще одну повѣсть, имѣющую отношеніе къ его собственной судьбѣ. Такимъ образомъ въ цѣлой исторіи, кромѣ главнаго ея сюжета, включено семь рассказовъ королевы, повѣсти наждаго

изъ семи мудрецовъ и рассказъ королевича; впрочемъ число вставныхъ повѣстей не во всѣхъ редакціяхъ одинаково. Что касается характера ихъ, онѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ повеллями старой итальянской и другихъ литературъ. Одни изъ ея рассказовъ принадлежатъ восточной фантазіи, другіе вставлены европейскими передѣльвателями, и всѣ вытѣгъ служили образцами и источниками для позднѣйшихъ повѣстей и исторій ¹⁾).

Апофеегматы представляютъ изъ себя собраніе анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ греческой и римской исторіи. Польская литература имѣла нѣсколько подобныхъ сборниковъ, напр. сборники Рея изъ Нагловицъ, Витковского и др. ²⁾). Въ нашихъ рукописяхъ встрѣчаются подобныя Апофеегматы въ четырехъ книгахъ, изъ коихъ первая сообщаетъ изреченія знаменитыхъ философовъ, вторая—«слова царей, королей, князей, воеводъ, сиклитикъ и нѣхъ старѣйшинъ», третья—изреченія лакедемонянъ, четвертая—«гадательство честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ». Онѣ пользовались уваженіемъ и послѣ и въ XVIII в. имѣли шесть изданій ³⁾). Изъ этихъ Апофеегматъ вошло многое въ знаменитый письмовникъ Курганова, содержащій въ себѣ, между прочимъ, и собраніе народныхъ пословицъ. Этотъ письмовникъ былъ любимую народною книгою до начала текущаго столѣтія ⁴⁾).

Особенное развитіе новеллы и легкихъ, шуточныхъ рассказовъ дадо другой колоритъ и собраніямъ анекдотовъ; веселая шутка получала въ нихъ болѣе и болѣе мѣста, такъ что съ теченіемъ времени образовался особенный разрядъ шуточныхъ сборниковъ, подъ названіемъ фацейъ, которые долго держались въ

¹⁾ Учен. зап. Ак. н., IV, стр. 232—260.

²⁾ Истор. Польской литер., Кондратовича, въ русск. перев. т. II, стр. 350—351.

³⁾ Учен. зап. Ак. н., IV, стр. 261—262.

⁴⁾ Историч. Очер., Буслаева, II, 92.

западныхъ литературахъ, находя себѣ множество читателей. Однимъ изъ знаменитыхъ собирателей фацецій былъ Поджіо Браччіолини, а за нимъ Гейнрихъ Бебель, Фришлинъ, Меландръ и др. Любопытно, что въ старинной описи библіотеки нашихъ государей въ XVIII в, упоминаются нѣкоторые изъ этихъ юмористическихкихъ сборниковъ, напр. «Демокритусъ смѣющийся» (Democritus ridens), одинъ изъ забавнѣйшихъ сборниковъ фацецій; сюда же, безъ сомнѣнія, относится книжка на нѣмецкомъ языкѣ «о грубіянскомъ мужицкомъ невѣжествѣ» ¹⁾. Кромѣ того въ каталогѣ библіотеки Кіев. Академіи значится рукопись: «Забавные часы Людовика Гваццардина и шляхтича флорентійскаго, напечатаны въ Колоніи 1624 года» ²⁾. Содержаніемъ, этихъ книгъ были по большей части какія нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, недогадливостью поселянъ; здѣсь выставлялись комическія стороны общественной жизни, забавные недостатки или притязанія разныхъ сословій и т. п., такъ что сборники фацецій примыкаютъ къ чисто сатирической литературѣ; наконецъ здѣсь приводились остроумныя изреченія и фарсы ³⁾. Въ предисловіи къ «Смѣющемуся Демокриту» авторъ говоритъ. «Понеже видѣлъ я и знаю, что многіе кажутся токмо разумными и чрезъ то по большей части теряютъ трудъ свой и иждивеніе; того ради изъ темноты своей возхотѣлъ я потомъ возвратиться въ свѣтъ и несходствующимъ со мною показать свою премудрость, дабы они могли видѣть, что я смѣюсь не напрасно, но предлагаю то, чему должно смѣяться, и не недозволённые предоставляю шутки, но такия, которыя учатъ истинѣ и пѣломудрію» ⁴⁾. Въ этой книгѣ предлагаются рассказы

1) Учен. зап. Ак. н., IV, стр. 263—264.

2) Рукоп. Кіев. Акад. in 4°, № 81.

3) Учен. зап. Ак. н., IV, стр. 264.

4) «Смѣющийся Демокритъ» или поле честныхъ увеселеній съ поруганіемъ меланхоліи, переведено съ латинскаго языка. Печатано при Импе-

и анекдоты изъ восточнаго и классическаго міра, но особенно изъ жизни средневѣковой Европы. Такъ напр. приводятся здѣсь изреченіе Демосфена о томъ, на какомъ женѣ нужно жениться, о надгробной надписи Семирамиды, о Христофорѣ Колумбѣ, поставившемъ на столѣ яицо «тѣлцомъ» и проч. Для примѣра приведемъ два разсказа изъ этой книги. Одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Шутка, состоящая въ дѣлѣ и словѣ одного человѣка, называемаго Гонелломъ», разсказываетъ слѣдующее. «Одинъ италіанецъ, именемъ Гонелла, который между всѣми шутами, въ то время бывшими, почитался первымъ, имѣлъ частое обращеніе съ Николаемъ, маркграфомъ Феррарскимъ. Сей Гонелла имѣлъ лошадь очень не великаго росту, у которой маркграфъ приказалъ тихонько отрубить хвостъ. Гонелла же, свѣдавъ о томъ, тотчасъ отрѣзалъ верхнія губы у нѣсколькихъ лошаковъ, которые тамъ же гдѣ и его лошадь, паслись. Вскорѣ потомъ Гонелла, будучи позванъ въ судъ, ни мало въ томъ не извинялся, но токмо просилъ о томъ, чтобъ учинено было разсужденіе объ уронѣ. И чтобъ удобнѣе можно было сдѣлать сіе, то сперва лошаки, потомъ Гонеллова лошадка, какъ была безъ хвоста, выведены были, чему всѣ, а особливо маркграфъ, много смѣялись. Гонелла-жъ маркграфу и всѣмъ прочимъ сказалъ: когда никто изъ васъ, смотря на такое позорище, не можетъ удержаться отъ смѣху, то уже, разсудите сами, могутъ ли сіи лошаки удержаться отъ смѣху, когда они ни посмотрятъ на сего моего жеребца, который уже безъ хвоста? Слыша сіе маркграфъ и всѣ предстоящіе захотали; и такимъ образомъ Гонелла свободился и напоследокъ почитаемъ былъ за шутливѣйшаго человѣка, нежели другіе» ¹⁾. Другой анекдотъ — «смѣшное извиненіе въ смертоубиствѣ, по

раторскомъ Московскомъ университетѣ, 1769 года». Подлинникъ ея — «Democritus ridens sive campus recreationum honestarum, cum exorcismo melancholiae, Amst., 1655, см у Пынинъ, стр. 266.

¹⁾ Смѣющійся Демокритъ, стр. 105—106.

случаю учиненномъ». «Съ превысокаго дому летѣвши одинъ плотникъ по случаю мимоидущ^{оби} человека убилъ паданіемъ своимъ до смерти. Тотчасъ сродники того убитаго взяли его въ судъ, доказывали на него смертоубивство и просили, чтобъ онъ казненъ былъ. Съ обѣихъ сторонъ съ великимъ споромъ долго происходило дѣло. Наконецъ судьи сдѣлали такое опредѣленіе, т. е. чтобъ кто-нибудь изъ сродниковъ того убитаго вошелъ на то мѣсто, откуда оный плотникъ упалъ, и оттуда бросился на виноватаго внизу стоящаго. Но какъ никто изъ нихъ на сіе не согласился, то освобожденъ былъ тотъ плотникъ» ¹⁾. Эти два разсказа, особенно послѣдній изъ нихъ, сильно напоминаютъ собою нѣкоторые эпизоды изъ повѣсти о Шемякиномъ судѣ и показываютъ, откуда эта повѣсть брала свои матеріалы.

Крайнюю степень развитія этой шуточной литературы можно видѣть въ чрезвычайно любопытной книжкѣ, изданной въ первые годы XVII в. подъ заглавіемъ: *Facetiae facetiarum*. Здѣсь обыкновенные сюжеты фацецій передаются въ ученой формѣ; это — собраніе ученыхъ диссертаций о самыхъ вздорныхъ и забавныхъ предметахъ, диссертаций, на которыя потрачена, однако, страшная эрудиція, со множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей и строгими приѣмами схоластической науки. — Эта пародія хотя и годилась для однихъ записныхъ ученыхъ, но представляетъ не мало шутокъ истинно курьозныхъ. Въ старинной польской литературѣ западныя фацеции приняты были съ большой охотой и даже затронули народную юмористическую струну. Въ это же время появились и у насъ въ Россіи шуточные сборники. Таковъ, напр., сборникъ «Смѣхотворныя повѣсти», которыя, какъ означено въ Толстовскомъ ихъ спискѣ, «добрѣ съ польска исправлена языка и читать поданы сто осмьдесятъ осмаго (7188=1680), ноемврія дня осмаго». Въ началѣ его помѣщены

¹⁾ Тамъ же, стр. 62.

разказы и анекдоты о знаменитыхъ мужахъ древности, повторенные изъ другихъ сборниковъ. Помѣщенные далѣе разказы любопытны иногда по своему отношенію къ нашей популярной литературѣ и народнымъ анекдотамъ, вѣроятно отсюда заимствовавшимъ иногда свои сюжеты. Многое повторяется и въ «Похожденіяхъ Ивана гостинаго сына», гдѣ передѣлана и старинная рукописная исторія о Флорѣ Скобѣевѣ. Сочинитель ихъ и здѣсь могъ пользоваться источникомъ рукописнымъ. Такъ напр. разказы «о дву татѣхъ и протопопѣ», «о невѣжливымъ гостѣ», повторены въ похожденіяхъ Ивана гостинаго сына. Разказъ о досадливой женѣ, утверждавшей, что лугъ не покосенъ, а постриженъ, встрѣчается и въ чисто народной сказкѣ. За коротенькими анекдотами въ сборникѣ помѣщены довольно обширные разказы, принадлежащіе области средневѣковой новеллы. Далѣе, въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ» перешло въ старинную нашу повѣсть и нѣсколько новеллъ Боккаччо и между ними «повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился з другимъ о добродѣтели жены своея» ¹⁾. Въ концѣ одной рукописи «Смѣхотворныхъ повѣстей» — находится нѣсколько прикладовъ. Шемякинъ судѣ, и опять приклады и притчи царя Соломона ²⁾.

Нѣкоторые разказы изъ польскихъ «жартъ» переходили въ другіе сборники русскіе. Таково сказаніе о роскошномъ житіи изъ польскихъ жартъ, помѣщенное въ одномъ рукописномъ сборникѣ первой четверти XVIII в. Въ началѣ описывается счастливое житье одного дворянина, во всевозможныхъ удовольствіяхъ. Это — настоящий рай на землѣ, страна обѣтованная всякихъ радостей и утѣхъ. Но страна эта далеко, и ее надобно брать съ бою, какъ это явствуетъ изъ шутиватаго сказанья. «А кто изводитъ

¹⁾ Учен. зап. Ак. н., IV, стр. 265—269, 273—277; см. истор. польск. литер., Кондратовича, въ русскомъ перев., т. II, стр. 10.

²⁾ Учен. зап. Ак. н., IV, стр. 359.

для такихъ тамошнихъ утѣхъ и прохладовъ, радостей и веселья, ѣхать,—и онъ повезъ бы съ собою чаны съ чанички и съ чанцы, бочки съ бочюрочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюда и блюдиčky, торелки и торелочки, ложки и ложечки, рюмки и рюмочки, чашки, ножички, ножи и вилочки; ослопы и дубины, палки, жерди и колы, дреколіе, роженъе, оглобли и каменья, браски и уломки; сабли и мечи и хорзы; луки, сайдаки и стрѣлы, бердыши, пищали и пистолеты; самопалы, винтовки и метлы, было бы чѣмъ ѣдучи отъ мухъ пообмахнуться. А прямая дорога до того веселья отъ Кракова до Аршавы и на Мазовшу; оттуда на Ригу и Ливлянды, оттуда на Кіевъ и на Подолескъ, оттуда на Стеколію и на Корелу, оттуда къ Юрьеву и Брести, оттуда къ Быхову и въ Черниговъ, въ Переяславль и въ Черкасской, въ Чигиринъ и Кафимской. А ково перевезутъ Дунай, домой не думай. А тамъ берутъ пошлины не большія за мыты и за мосты и за перевозки: съ дуги по лошади, съ шапки по человѣку и со всего обозу по людямъ. А тамъ кто побываетъ, и тотъ такихъ роскошей вѣкъ свой не забываетъ» Въ одномъ сборникѣ съ сказаніемъ о роскошномъ житіи помѣщены: стихотвореніе — «Чаша моря Соловецкаго» и двѣ шутивыя челобитныя, вѣроятно составленныя подъ вліяніемъ польскихъ жартъ ¹⁾).

Изъ отдѣльныхъ сказаній въ шутивномъ духѣ, перешедшихъ къ намъ изъ Польши, мы встрѣчали сказаніе о злобѣ женской. Вѣроятно, повѣсти о злыхъ женахъ ведутъ начало свое еще отъ эпохи Буддизма ²⁾ и съ востока перешли какъ въ Россію, такъ и въ западную Европу, гдѣ, подъ вліяніемъ безженства духовенства, получили особенное развитіе ³⁾ и перешли оттуда черезъ Польшу въ Россію. Мы имѣемъ одну подобную статью, подъ за-

¹⁾ Историч. Очерки, Буслаева, I, 515—517.

²⁾ Исторія культуры, Карьера, т. I, стр 379 — 380.

³⁾ Истор. всеобщ. лигер., Шерра, въ перев 1865 г., стр 479, примѣч.

главѣмъ «Характеръ женщины», несомнѣнно польскаго происхожденія. Последнее видно изъ нѣкоторыхъ польскихъ словъ, оставленныхъ безъ перевода, напр. заздрость, распушта и т. п., а равно и изъ ссылокъ на польскаго писателя Самонидеса, т. е. Шимоновича. Въ этой статьѣ сначала описываются привлекательныя черты женщинъ, а потомъ раскрывается сущность женщинъ или злоба ихъ, и наконецъ показывается положеніе женщинъ во всѣхъ религіяхъ. «Св. Бернардь въ 25-й проповѣди называетъ женщинъ первымъ орудіемъ діавола: въ женскомъ видѣ, говоритъ онъ, есть самый злобный демонъ, какого только адъ низвергаетъ на землю», и проч. «Самонидесь, будучи спрошенъ, что есть женщина, отвѣчалъ: она есть первое зеркало непостоянства, увеселеніе, основанное на пагубѣ, зло нестерпимое необходимости, непримиримый врагъ ангеловъ, животное ничѣмъ ненасытимое, бездна незбрія, суета суетъ, прелесть вдали, адъ вблизи, ангелъ на лицѣ, діаволъ въ сердцѣ, сова въ окнѣ, сорока въ дверяхъ, коза въ вертоградѣ» и проч. ¹⁾).

Всѣ эти переводы западныхъ сборниковъ и отдѣльныхъ сочиненій произвели у насъ цѣлый рядъ подражательныхъ произведеній. Мы уже отчасти касались нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній, какъ напр. о Саввѣ Грудцынѣ и купцѣ Θεодосіѣ, о Шемякиномъ судѣ, о стихотвореніи «Чаша моря Соловецкаго» и двухъ шутливыхъ челобитныхъ. Кромѣ того въ томъ же родѣ извѣстны: повѣсть о двухъ братьяхъ Оомѣ и Еремѣ, исторія о Флорѣ Скобѣевѣ, повѣсть о російскомъ дворянинѣ Александрѣ и проч. Въ повѣсти о двухъ братьяхъ Оомѣ и Еремѣ олицетворялись для русской фантазіи глупость и недѣльность: братья пускаются на разные промыслы, но вездѣ терпятъ неудачу вслѣдствіе своей глупости, отъ которой, наконецъ, и погибаютъ. «Какъ они жили,

¹⁾ Рукопись, принадлежащая автору.

такъ они умерли. Кончина имъ пришла, не красная ихъ смерть. Здѣсь были не люди, а тамъ не родители» ¹⁾.

Исторія о Флорѣ Скобѣевѣ представляетъ чрезвычайно любопытный образчикъ старинной оригинальной повѣсти. Въ ней легко и игриво рассказываются похождения этого авантюриста, его любовь къ боярской дочери Анпушкѣ, женитба на ней противъ воли строгаго отца ея, наконецъ примиреніе съ нимъ и благоденствіе російскаго дворянина. Содержаніе принадлежитъ, конечно, истинному событію и сначала могло передаваться въ устныхъ анекдотахъ; записанная форма повѣсти обнаруживаетъ въ авторѣ умѣнье рассказывать; въ его простодушномъ изложеніи столько юмора, что и теперь повѣсть можетъ быть прочитана съ любопытствомъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія исторія о Флорѣ Скобѣевѣ передѣлана была Иваномъ Новиковымъ въ похожденияхъ Ивана гостинаго сына, подъ заглавіемъ: «Новгородскихъ дѣвухъ святочный вечеръ, съигранной въ Москвѣ свадебнымъ» ²⁾. Года два назадъ эта повѣсть передѣлана была въ драматическую пьесу и поставлена была, кажется, на театрѣ.

Повѣсть о російскомъ дворянинѣ Александрѣ, принадлежащая, впрочемъ, уже началу XVIII в., представляетъ изъ себя рабскую передѣлку западныхъ рыцарскихъ романовъ. Въ ней только и русскаго, что имена главныхъ героевъ Александра и Владиміра и нѣкоторыя выраженія и пословицы въ русскомъ духѣ: все остальное—чисто западное. Александръ и Владиміръ представляютъ изъ себя рѣшительную противоположность одинъ другому: тогда какъ Александръ—идеалъ рыцарской храбрости и честности, другъ его Владиміръ помѣшанъ на пошлыхъ, скандальныхъ похожденияхъ и при этомъ отличается трусостію. Рос-

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., о. 8°, № 32, X. 37—41; сп. Отеч. Зап., 1841 г., № 5, библ., стр. 58 и др.; Пыпин., стр. 301.

²⁾ Учен. зап. Ак. н., IV, ст. Пыпина, стр. 283.

сійскій дворянинъ Александръ, какъ видно, посланъ былъ своимъ государемъ за границу для пріобрѣтенія полезныхъ свѣдѣній. Въ Лилѣ онъ полюбилъ дочь одного пастора Элеонору, съ которою соперничала въ любви къ нему Гедвигъ Доротея. Похоронивъ свою возлюбленную, Александръ отправляется въ Парижъ, встрѣчается съ землякомъ своимъ Владиміромъ, выслушиваетъ отъ него разсказъ о скандальныхъ его похожденіяхъ и, по его рекомендаціи, начинаетъ ухаживать за неприступной Тирой, дочерью гофмаршала. Его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Тира соглашается ѣхать съ нимъ изъ Парижа. Владиміръ содѣйствуетъ ихъ побѣгу. Но дорогой напали на нихъ разбойники и разлучили. Александръ шатается по разнымъ странамъ: былъ въ Парижѣ, Нидерландахъ, Египтѣ, Англіи, на Малтійскомъ островѣ и въ другихъ мѣстахъ, постоянно встрѣчаясь съ рыцарями и разбойниками и побѣждая ихъ. Слава объ его рыцарскихъ подвигахъ разнеслась повсюду и достигла Испаніи, гдѣ находилась Тира послѣ своей разлуки съ Александромъ. Она отправляется на поиски, и послѣ различныхъ приключеній влюбленные находятъ другъ друга. Казалось, этимъ и должна была окончиться повѣсть; но авторъ захотѣлъ еще помучить читателей различными несчастными приключеніями влюбленной четы. Александръ рѣшается ѣхать съ Тирой въ отечество, «во славный російскій градъ столицу Москву» и садится въ Амстердамѣ на корабль; но на пятый день поднялась буря и занесла ихъ въ неизвѣстныя мѣста, гдѣ напали на нихъ разбойники, ограбили и продали въ рабство, Александра—въ «королевство Тесское» людоѣдамъ, а Тиру—въ Китай. Александръ, впрочемъ, скоро освободился изъ плѣна, выручилъ и Тиру и чрезъ Индійское царство отправился моремъ въ Парижъ, а оттуда въ Нидерланды. Во время пути они нашли израненаго Владиміра, лежащаго на дорогѣ, взяли его и, для излеченія его, возвратились въ Парижъ. Оправившись отъ болѣзни, Владиміръ разсказываетъ о новыхъ

своихъ скандальныхъ похожденіяхъ въ Вѣнѣ и другихъ мѣстахъ, о встрѣчѣ своей съ поляками, и передаетъ разговоръ прусскаго барона Старка, датскаго барона Фортьяра и саксонскаго дворянина Силберстейна о женщинахъ. Конца повѣсти мы не имѣемъ ¹⁾).

Вотъ и всѣ почти извѣстные опыты подражательной древнерусской литературы, возникшей подъ вліяніемъ западнымъ! Но скудное число ихъ вознаграждается тѣмъ, что они подали русскимъ людямъ поводъ записывать на бумагѣ произведенія самобытнаго народнаго творчества, пословицы, сказки какъ русскаго, такъ и восточнаго происхожденія. Въ прежнія времена высокое значеніе имѣла только письменная литература и презиралась устная, народная: «таковъ бо уставъ обычая челоуѣцы имамы, егда бо кто глаголетъ ненаписано, намъ помышляти, яко лжа есть» ²⁾. Но въ XVI и XVII в., по образцу западныхъ повѣстей и подражаній имъ, стали записываться и вымыслы народной фантазіи. Сказки и эпическія былины, получившія впослѣдствіи только сказочный интересъ, перешли въ рукописи давно, по крайней мѣрѣ въ XVII в. — Въ старинныхъ сборникахъ встрѣчаются попытки записывать народные рассказы и пѣсни, и лучшимъ, замѣчательнѣйшимъ примѣромъ этого должно назвать повѣсть о Горѣ—Злосчастіи, какъ горе—злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ. Изъ былинъ внесены въ сборники «Исторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ—разбойникѣ», «сказаніе о трехъ богатыряхъ—Ильѣ Муромцѣ, Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» и проч. ³⁾. Онѣ служили предшественниками знаменитаго сборника былинъ Кириши Данилова. Нѣкоторыя сказки также находили

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад., о, 4°, № 59. Кажется, эта рукопись числится въ бывшей библіотекѣ царскаго, подъ № 453, и обличается въ журналѣ 1769 года—«П то и сію». См. Уч. зап. Ак. н., IV, стр. 281 и 290

²⁾ Зарожденіе національной литер., Некрасова, стр. 1.

³⁾ Уч. зап. Ак. н., IV, стр. 293—297.

мѣсто въ сборникахъ, какъ напр. сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ и сказка о нѣкоемъ молодцѣ, конѣ и саблѣ ¹⁾. Первая изъ этихъ сказокъ, по мнѣнію г. Стасова, представляетъ изъ себя пересказъ Шахнаме о Рустемѣ и перешла къ намъ черезъ Тюркскія племена Сибири, у которыхъ встрѣчается очень близкій къ этому разсказъ ²⁾; вторая же сказка, по нашему мнѣнію, есть начало известной старинной повѣсти о прѣлнн живота со смертію ³⁾.

Н. П.

¹⁾ Тамъ же, 298—299.

²⁾ О происхожденіи русскихъ былинъ, Стасова, въ Вѣстн. Евр., 1868 г., январь, стр. 171 и др.

³⁾ Памяти. Старин. р. литер., вып. II, стр. 439; см. рукоп. Киев. Акад., N Q. 4^о, 73.